Зимняя сказка для Золушки

Нина Кислицына

Зимняя сказка для золушки

«Автор»
2026

Кислицына Н.

Зимняя сказка для золушки / Н. Кислицына — «Автор», 2026

Эля - скромная девушка, которая живёт с отцом и суровой мачехой. Она ходит только на работу, и привыкла к тому, что никто её не замечает. И вот, как в сказке, Эля попадает на новогодний бал маскарад, куда она приходит в белом платье и маске. Хантер- её начальник, в голове которого только работа, обращает на незнакомку внимание и приглашает её на танец. Но, его невеста это видит, и пытается предотвратить. Эля уходит... И Хантер на протяжении некоторого времени пытается найти незнакомку, и даже не подозревает о том, что она совсем рядом... Что незнакомку и есть его помощница. И всё бы было хорошо, если бы не было договора двух компаний, и пункта жениться на Виктории.. Эля решает уволиться и переехать в другой город, а Хантер всё же понимает, что без его помощницы он потерял себя. И принимает решение отказаться от женитьбы и компании. Современная история любви: зимняя сказка про Золушку для разных возрастов, где всё заканчивается хепиэндом.

© Кислицына Н., 2026
© Автор, 2026

Нина Кислицына
Зимняя сказка для золушки

Глава 1 Белое платье.

Эля – невысокая девушка, двадцати двух лет. Ей приходится жить с мачехой и с отцом, который всегда молчит, потому–что побаивается свою жену. Да и сама Эля побаивалась Изольду, и из–за своей доброты, старалась ей не перечить. Кроме доброты и нерешительности, в ней есть та стройность, из–за которой любая одежда сидела на ней идеально. Сейчас на ней был старый свитер, который вытянулся на локтях и плечах, но и это не портило её внешнего вида. Длинные волосы она ещё утром собрала в узел, но за день из него выбились пряди, и теперь висят вдоль щёк.

Она стояла на кухне у раковины, и машинально поправляла выбившиеся пряди за ухо мокрой рукой. После большого количества перемытой посуды, руки от горячей воды сморщились и стали розовыми. Кухня была совсем маленькой: стол, плита, раковина и три шага до двери, а если открыть холодильник, то второму человеку уже не пройти. Над столом висели часы в пластиковом корпусе, которые отстают на семь минут, и никто не собирается это исправлять, потому что Изольде так удобно, когда время идёт по её счёту. На холодильнике были магниты: треугольный флажок, реклама пиццы с телефоном, и фотография сестры Изольды.

Квартира за пределами кухни живёт своей жизнью, и эта жизнь идёт мимо Эли. В коридоре горел свет, у зеркала стояла вешалка с куртками и пальто, а у входной двери лежал коврик, который каждый раз сбивался в бок, когда кто–то входил. Из гостиной тянуло запахом мандарин и хвоей, где поставили ёлку, больше для вида, чем для праздника. Она стояла в углу и на ней было немного игрушек и гирлянда, коротая сияла волшебным светом, и комната сразу становилась уютной. А на стене, рядом с ёлкой висел календарь, и число в нём было обведено красным цветом так густо, что бумага продавилась. Завтра Изольда ждёт кого–то в гости, и Эля заранее знает, что посуду после этих гостей будет мыть она.

В коридоре застучали каблуки, коротко и часто, и Эля сразу же узнала их. Она тут же выпрямилась, вынула руки из воды, вытерла их о свитер, потому что полотенце висело далеко, и одёрнула рукава, будто её поймали за чем–то неправильным. Изольда вошла на кухню с блокнотом в руке, на ней было платье цвета мокрого асфальта, с брошью на груди. Она придержала дверь, чтобы та громко не хлопнула. Изольда – высокая женщина, всегда держит спину прямо, а на безымянном пальце у неё два кольца, одно из них было с камнем, и его она постоянно поворачивала большим пальцем когда злилась. От не пахло духами, которые она берегла для особых случаев. Эля встала ближе к раковине, и смотрела, как Изольда проводит пальцем по краю столешницы, потом смотрит на палец, и вытирает его о салфетку.

– Здесь ещё влажно, – говорит она, не глядя на Элю, а глядя на подоконник, где сушится только что перемытая посуда. - Хотя это уже мелочи.

Она берёт со спинки стула полотенце, мнёт его в руке, будто что–что прикидывает, потом расправляет и возвращает обратно.

– Я почти закончила. – Отвечает Эля, и сама слышит, как это тихо звучит. Она вынимает последнюю тарелку из раковины, ставит её на сушилку и берёт полотенце, которое Изольда только что выровняла на стуле.

– Хорошо, – соглашается она и открывает блокнот, снимая резинку большим пальцем, и листает его до нужной страницы. – Я продиктую тебе, чтобы не забыла. Нужно погладить скатерть для праздничного стола, почистить серебро до блеска, и пропылесосить ковёр в гостиной. – Она ведёт ручкой по строчке, хотя ничего не пишет. – И ещё, сменишь полотенца в ванной на гостевые, те, что с кружевом. Цветы в гостиной польёшь, только не залей их. И не забудь вынести мусор до девяти.

Эля молча кивает головой.

– Мы с отцом идём к моей сестре в гости, – продолжает Изольда, и отрывает листок из блокнота, кладёт его на стол. – Вернёмся поздно. И не садись ужинать без нас, я этого не люблю. И последнее, всё забываю сказать, приоткрой в своей комнате окно, а то я проходила мимо и почувствовала спёртый воздух.

– Хорошо. – Отвечает Эля ровно, потому что эти слова она произносит каждый день и давно перестала в них вслушиваться.

Изольда подняла медленно глаза от блокнота, будто отрывается от чего–то важного, смотрит на неё, и в этом взгляде нет злости, есть что–то похуже: удовольствие.

Эля вытирает руки о полотенце, и кладёт его на край раковины.

– А на бал ты меня не пустишь? – Говорит Эля, и слово «бал» звучит как–то неуместно в этой кухне.

Она не собиралась это говорить. Слова вырвались наружу сами, и она услышала свой голос будто со стороны, и тут же пожалела об этом.

Изольда закрывает медленно блокнот, закладывая в него ручку, и прижимает его к груди.

– На какой бал, милая? – Спрашивает она, и слово «милая» звучит как оскорбление.

– Я же говорила тебе, что в фирме, где я работаю, будет Новогодний бал. – Говорит Эля, и слышит свой голос, который звучит так, как будто она оправдывается.

– Я помню. – Изольда подходит к плите и зачем–то трогает комфорку, хотя та холодная, проводит по ней пальцем, смотрит на него, и вытирает его о фартук, который висит рядом. – Такие праздники придумали для людей другого круга, и тебе там не место. Думаю, что, твоего отсутствия там никто не заметит. – Она говорит это не спеша, с расстановкой, будто заранее подготовилась. – И вообще, если хочешь знать, тебя вообще никто не звал в этот город. Ты тут живёшь из милости, потому что твой отец однажды пожалел тебя. Я тогда разрешила тебя оставить, но время идёт, и тебе бы пора задуматься над тем, чтобы съехать отсюда.

Она поворачивается, и оглядывает Элю сверху донизу, без злости, скорее с интересом, как оглядывают вещь, которая может ещё пригодиться. Она смотрит на её свитер с растянутыми рукавами, на руки, у которых кожа сморщилась от воды, и на волосы, которые постоянно выбивались из узла.

– Забудь о своём «бале». – Говорит она почти по доброму, и эт этих слов становится не по себе. – И, если моя сестра спросит про тебя, – говорит она задумчиво. – Скажу, что ты приболела. – Она делает вид, что размышляет, и брови у неё поднимаются вверх. – Вот, ты же работаешь в фирме, и неужели ничего не заработала за всё это время? Или, ты работаешь там за «спасибо»?

– Заработала, – отвечает Эля, и слово выходит коротким, как выдох.

– Ну вот, – говорит Изольда так, будто в чём–то её уличила. – А живёшь до сих пор с нами.

– Хорошо, я тебя поняла. – Эля соглашается с ней, давая понять, что их разговор окончен.

Внутри у неё всё было сжато в кулак, и этот кулак держится с самого детства: не отвечать, не спорить, не показывать. Она знала, что если сейчас скажет хоть слово, Изольда это запомнит, и потом будет возвращаться к этому ещё много лет. Поэтому, сейчас, проще замолчать.

– Ну ладно. – Говорит Изольда, и выходит из кухни.

Её каблуки стучат по лестнице наверх, сначала громко, потом тише, а потом совсем тихо, и наверху закрывается дверь. А на кухне остаётся её запах духов, который ещё долго будет выветриваться.

Эля посмотрела на листок вырванный из блокнота, где написан список дел, которые она должна сделать. Потом посмотрела на окно: за стеклом, там, где кончается двор, виден светлый купол соседнего дома, гирлянда в витрине, чьи–то руки с пакетами, и кто–то идёт, увязая в снегу. Снег идёт крупный, и в свете фонарей каждая снежинка видна отдельно, будто кто–то подвесил их на невидимые нитки. Двор кажется чужим и нарядным. Машины стоят под снеж-

ными шапками, как декорация. Город во всю готовится к празднику, а Эле остаётся закончить уборку, и мечтать о «бале», на который она не пойдёт. Ей казалось, что за этим окном, люди живут по другим законам, и у них случаются чудеса, но не с той, которая моет посуду и занимается уборкой.

В углу окна, у самой рамы, за вечер появился ледяной узор: тонкие ветви, длинные листья, что–то похожее на птицу с хвостом, и от рамы по стеклу тянутся тонкие линии, как будто кто–то нарисовал их кистью. Она посмотрела на рисунок, и едва улыбнулась, вспомнив про своё детство, где было всё не так, как сейчас.

После уборки, Эля возвращается в свою комнату, садится на край кровати, и пружина под ней отзывается коротким скрипом. Комната у неё была меленькая, в ней помещался только шкаф с зеркалом, стол рядом с окном и кровать у стены. Ещё в комнате была полка с книгами, которые она собирала сама, по одной, купленных на распродажах. А обои на стене давно выцвели, и на них были видны следы от скотча.

Эля вспомнила про объявление о вечере, и загрустила. Оно висело в коридоре фирмы целую неделю, на листе с ёлочкой в углу, приклеенный скотчем: «Новогодний бал–маскарад для сотрудников и гостей, дресс–код вечерний, вход по приглашениям». Она проходила мимо этого объявления много раз за день, и постоянно перечитывала его, как–будто там могло появиться что–то новое. В очередной раз, когда Эля проходила мимо этого объявления и остановилась, в этот момент, в коридор вышел её начальник Хантер вместе с секретаршей, и сказал, что придти должны все, т.е. весь штат, и что он не хочет слышать ни одной отговорки. Эля смотрела на него и слушала как уверенно он это говорит, но тут, он вдруг посмотрел на прямо на неё и добавил: «Это касается и тех, кто считает, что праздник не для них». Она тогда покраснела и молча кивнула, а потом быстро ушла в приёмную, и не выходила больше в коридор до конца рабочего, потому–что в груди что–то сжималось при встрече с начальником.

Она знала одно, что, если пойдёт на этот бал, то Изольда будет этим очень недовольна: начнёт говорить про то, что Эля позорит свою семью.

Наверху начинают ходить, открывать шкафы, роняют что–то металлическое, и оно катится, по полу, стучит о останавливается, а потом кто–то это поднимает.

Эля посмотрела на шкаф, где висят все её платья, которых немного: школьное тёмное, два летних, серое, в котором она ходит на работу, и то, что она надевала на выпускной. На верхней полке стоит коробка с крышкой, а в коробке мамина шкатулка, старая, с облупившимся лаком, и в ней ничего нет, кроме булавки и лоскутка, который когда–то был лентой. Она не открывала эту шкатулку несколько лет, но знает, что она стоит в шкафу, и этого достаточно, чтобы шкаф не казался совсем чужим. А внизу, стояли белые туфли, тоже мамины. Они стояли как память о ней, потому–что Эля не надевала их.

Наверху продолжают шуметь, то открывают дверцы шкафа, то закрывают их, потом открывают снова, видимо что–то ищут. А Изольда повторяет одну и ту же фразу, будто её не слышат. Потом раздаются шаги, тяжёлые, мужские, и останавливаются возле её двери, и слышно, как кто–то переводит дыхание. Стучат два раза, коротко, костяшками, и после второго стука, в коридоре делается тихо, будто стучавший ждёт ответа, не решаясь постучать ещё раз.

– Эля, к тебе можно взайти? – спрашивает отец тихим голосом.

Она успевает только убрать свитер, который сняла после уборки, скомкала его и сунула под подушку.

Отец зашёл в комнату боком, потому–что в руке у него большой свёрток, и дверь за собой прикрывает локтем, тихо, чтобы та не щёлкнула, и на секунду замирает на пороге, будто ждёт, что его попросят выйти. Потом всё–таки проходит и оглядывает комнату, хотя видел её тысячи раз: кровать, шкаф, стол и полка с книгами. Отец высокий, но сутулится, будто в квартире низкие потолки и он всю жизнь боится задеть их головой, и от этой привычки плечи у него ушли вперёд, а пиджак на спине натянулся. Лицо у него было доброе и усталое, с сеткой мелких

морщин у глаз, и волосы он зачёсывает назад, отчего лоб кажется больше, и на висках у него была уже седина, которой он как будто не замечает. Пиджак на нём тёмно–серый, с потемневшими от времени локтями, и в нём он становится похож на человека с фотографии, которую Эля видела в альбоме: молодого, в галстуке, с ещё не севшей осанкой. Он стоит посреди комнаты и не знает, куда поставить ногу, и держится так, будто боится занять больше места, чем ему положено. В руках он продолжал держать большой свёрток в серой бумаге, перевязанный шпагатом, с ярлыком на углу, и на ярлыке что–то было написано от руки. Бумага в одном месте была продавлена, будто внутри лежит что–то твёрдое. Шпагат завязан двумя узлами, один поверх другого, как завязывают, когда боятся, что развяжется. Отец держит его так, как держат чужих детей, осторожно и чуть отстранив от себя, и поглядывает на свёрток, не решаясь его положить.

– Это что? – Спрашивает Эля, глядя на свёрток.

– Открой и посмотри. – Говорит он, и протягивает ей свёрток.

Свёрток оказывается тёплым, и это тепло понемногу переходит в её ладони, и пахнет он морозом и бумагой. На ярлыке в углу чернилами был выведен номер. Она ложит свёрток на кровать, и развязывает его, и узел поддаётся не сразу, приходится поддеть ногтем, потом бумага разворачивается с шорохом, сухим, как шаги на снегу, и на кровати оказывается белое платье. Оно лежит, не разглаженным, и один рукав свисает с кровати, почти до пола. Ткань на платье прохладная и тонкая на ощупь. Платье оказалось с длинными рукавами и широкой юбкой, которая лежит на кровати волнами, как снег на карнизе. По подолу и по краю рукавов идёт вышивка, мелкая, серебряная, и в этой вышивке столько же блеска, сколько у инея на стекле, если на него посмотреть против света. Эля проводит по ткани ладонью, и по ней пробегает холодок, будто платье вдохнуло и выдохнуло, а на ладони остаётся одна крошечная блёстка.Таких эмоций, которые она испытывала сейчас, с ней не было никогда: вещи в её жизни покупались только на распродажах, носились до последнего, пока вещь не испортится, и ни одна вещь не пахла так, как это платье. Когда она поворачивает платье к включённой лампе, по подолу пробегают крошечные искры, и их столько, что на секунду кажется, будто в ткань вплели отблески звёзд, собранные где–то на морозе, и она невольно поворачивает платье ещё раз, и ещё, чтобы увидеть это снова. Искры на платье не блестят ровно, они вспыхивают и гаснут по одной. Эля смотрит на это и у неё перехватывает дыхание, как в детстве, когда ей показывали что–то красивое, но чужое, и она не могла к этому прикоснуться. Она садится обратно на кровать, держа в руках платье.

– Где ты взял это платье? – Спрашивает она испуганным голосом.

– В мастерской на Садовой. Там шьют платья на заказ. – Отец говорит это тише обычного, будто его может услышать кто-нибудь ещё кроме неё, и на середине фразы оборачивается на дверь. – И вот. – Он достаёт из кармана белую маску на тонкой резинке, с перьями по краю, и кладёт рядом с платьем. – Это тоже тебе.

– Пап, зачем? – Спрашивает она.

– И это. – Он кладёт на кровать ключи от входной двери и сложенные купюры. – Это тебе на всякий случай. Вдруг пригодятся.

Эля смотрит на платье, на маску, на деньги, и первое, что она чувствует, вовсе не радость: сначала страх, потом стыд, будто она всё это украла, а потом уже нежность к отцу, который так постарался для неё. Она поднимает голову, и смотрит на родного человека с благодарностью и грустной, еле заметной улыбкой.

– Она всё равно меня не отпустит.

– Ей не нужно знать об этом. Она весь вечер будет у сестры, а когда вернётся, ляжет спать. – Отец говорит это уверенно.

– А если она узнает об этом? – Повторяет Эля, и голос её дрожит. Она берёт маску, вертит её в пальцах, резинка натягивается и щёлкает, и она кладёт маску обратно. – И потом, я даже

не знаю как себя вести там. Я не была ни на одном балу. Не знаю, что там нужно делать, кроме того, что танцевать. И ещё у меня нет туфель.

– Туфли у тебя есть, мамины. – Говорит отец и смотрит на шкаф.

– Верно, есть. – Согласилась Эля с ним.

– Эля! Мне пятьдесят шесть лет, и я хожу по этому дому на цыпочках. Я не влезаю в разговоры, не спорю, и всегда со всем соглашаюсь. – Он трогает платье платье рукой. – А ты молодая девушка. Тебе двадцать два года, и у тебя есть приглашение на бал. Поэтому, ты должна пойти.

– Она сказала, что такие праздники не для таких, как я.

– Она много чего говорит. – Он поднимает глаза, и смотрит на неё внимательно. В его взгляде читалась уверенность. – Я прошу тебя сходить на этот бал. Мне хочется, чтобы ты пошла, а потом рассказала мне, как там всё было.

Она услышала в его голосе упрямство, тихое, как у человека, который всё уже решил.

– А если она об этом вс таки узнает? – Спросила Эля, дрогнувшим голосом.

– Посмотрим. – Спокойно отвечает он.

– А если она устроит скандал?

– Тогда я молчать не буду.

Внутри становится так тепло от этих слов, и она еле сдерживается, чтобы не заплакать. Потом снова смотрит на платье, берёт его в руки и прикладывает к себе, расправляя его, и в старом зеркале на дверце шкафа появляется девушка в белом.

– Твоя мама бы не стала спрашивать разрешения, – говорит отец, глядя на неё, и на платье в её руках. – Она бы оделась и пошла на этот бал.

Он замолкает и отворачивается к окну, и с грустью смотрит вдаль.

– Такси приедет к девяти часам. Водителю я уже заплатил, Ключи оставишь под ковриком. – Он уходит к двери, на потом оборачивается, и лицо его в этот момент делается хитрым, как у мальчика. – И вот ещё что. Там, в свёртке, была бумажка, чек. Убери его куда-нибудь, чтобы она не нашла его.

Дверь за отцом закрылась. Эля до сих пор продолжает стоять с платьем в руках, и в этот момент наверху хлопает дверца шкафа и Изольда кричит сверху, что они опаздывают. Платье пахнет новой тканью и ателье, и от этого запаха, у Эли начинает кружиться голова. Она вешает платье на дверцу шкафа, и смотрит на него, не веря своим глазам, что это её платье. Наверху стало тихо, а это означало, что Изольда с отцом уехали, и теперь она одна.

Приняв душ, Эля прислушалась к отцу, и окончательно решила поехать на бал. Другого шанса у неё не будет.

Платье скользит по её плечам и садится точно, ведь шили его для неё. Сначала ткань была прохладной, а через минуту, она её уже не чувствовала. Молния застегнулась без усилий, рукав лёг у запястья, юбка доходит до пола и закрывает мамины туфли, которые она достала из шкафа. В полутьме комнаты платье было не белое, а голубоватое, как снег в синих сумерках, и вышивка на рукавах светится сама, без дополнительного освещения. Эля делает шаг, и подол идёт за ней волной, будто по полу тянется след, делает второй шаг, и след повторяется, как будто платье запоминает движение и хочет его повторить. Она делает третий шаг, просто так, чтобы увидеть это ещё раз. Она смотрела на себя в зеркало, и не узнавала себя в нём.

Такси приехало к девяти, и она села в машину, поймав на себе удивлённый взгляд водителя. Всю дорогу они ехали в тишине, и через сорок минут, такси останавливается не у подъезда, как она ожидала, а на площади, перед особняком с колоннами, и водитель говорит через плечо, не оборачиваясь, будто извиняется:

– Дальше вам придётся идти пешком, там дорогу перекрыли.

Эля поблагодарила водителя и вышла из машины на мороз. Руки и щёки сразу же стали мёрзнуть. Особняк стоит недалеко, в окнах горит свет, а над входом висит гирлянда. Люди идут

по двое, по трое, женщины держатся за локти мужчин, потому–что каблуки на снегу скользят, кто–то смеётся у самых ступеней, и смех летит в морозном воздухе дальше, и от этого кажется, что веселятся не несколько человек, а весь город. Под пальто было платье, и она чувствовала сейчас его всем телом, так как ткань от холода накалилась.

Особняк перед ней был похож на дворец из книжки с картинками, которую ей читали в детстве: колонны, высокие окна, свет, ложащийся на снег ровными квадратами, и на ступеньках уже была натоптана узкая дорожка, и по ней идут, как по ковру. Снежинки садятся ей на ресницы и не тают, пока она не моргнёт, и от этого всё вокруг становится чуть размытым, как на старых фотографиях. Она идёт по дорожке, и в голове у неё звенит одна мысль, совсем детская: сейчас будет чудо, вот сейчас, за этими дверями. Швейцар в ливрее, с начищенными пуговицами и в белых перчатках, смотрит на приглашение, потом на неё, и смотрит так долго, что она успевает замёрзнуть ещё сильнее.

– Проходите. – Говорит он наконец, и с улыбкой открывает ей дверь.

Двери тяжёлые, обитые тёмным сукном, но открываются легко, будто их толкнули изнутри, и сукно под ладонью оказывается мягким, как бархат. За ними сразу становится теплее: тепло идёт снизу, от ковра, и щёки, которые только что жгло морозом, начинают гореть по другому. На секунду Эле чудится, что она вошла в чужую книжку, где всё большое, светлое и пахнет воском и хвоей, где музыка играет тише, чем должна, будто её приглушили ладонью, и где ей разрешили побыть до полуночи.

Эля подходит к гардеробу, отдаёт пальто, и женщина за стойкой принимает его двумя руками, будто оно чего–то стоит, и остаётся в маске и платье, которое будто просыпается в тепле, и искры на ткани начинают двигаться. Женщина у гардероба смотрит на неё, и говорит: «Красивое платье», и Эля кивает головой в знак благодарности. В вестибюле собралось много женщин: кто–то поправлял причёску, кто–то разговаривал по телефону, а кто–то искал номер в сумочке. Гул голосов стоял ровный, и в этом гуле можно было слышать сразу несколько разговоров.

Она пришла сюда не для того, чтобы подслушивать чужие разговоры, поэтому, направилась к лестнице, которая вела наверх. Направляясь туда, откуда доносилась музыка, держась за перила. Лестницы была широкая, с ковровой дорожкой цвета старого вина, и перила были холодные, и из–за этого холод поднимался по руке до локтя. На стенах висят зеркала в тяжёлых рамах, и в каждом отражается кусок её платья.

Оказавшись наверху, Эля огляделась. Зал был большой, с балконом и с колоннами, с высоким потолком, по которому разбегаются тени от гирлянд. Люстры висят низко, и в них горит столько света, что кажется, будто воздух тёплый на ощупь, и от этого света у людей блестят волосы и плечи. Ёлка стоит в углу, высокая, рядом с балконом, и на ней висят игрушки в виде стеклянных шаров, а под ёлкой стоят коробки, перевязанные лентами, и никто их не трогает. Пахнет воском, хвоей и духами, и все эти запахи держатся отдельно, не смешиваясь, как гости в зале. Всюду ходили официанты с подносами, а на подносах были не только шампанское,которое шипело в бокалах, но и апельсиновый сок в высоких стаканах.

Эля берёт один бокал с шампанским, оно оказывается холодным, и отходит к колоннам, где становится так, чтобы её не было видно от входа: боком, прижавшись плечом к холодному мрамору, и от этого холода, платье на плече кажется ещё тоньше. Отсюда было хорошо наблюдать за женщинами в длинных платьях, кто–то был в масках, а кто–то без маски, но зато, у всех были украшения на шее, от которых рябило в глазах: камни, цепочки, подвески, и вс это звенит и ловит свет при каждом повороте головы. Платья были у всех разные, но все блестящие: серебро, тёмно-синее, бордо, и только две или три женщины выбрали чёрный цвет. А вот у мужчин, костюмы были почти все одинаковые.

Она узнала почти всех на этом балу: секретаршу из приёмной, она была в красном, и слишком громко смеялась, запрокинув голову. Бухгалтер с женой, которая смотрит на часы,

будто хочет уйти. Также, она узнала молодого юриста, который всегда здоровается с ней на работе, когда видит её утром в лифте, но сейчас он её не узнал. Сделав пару глотков холодного шампанского, ей становится жарко, и она начинает злиться на себя за это. Ведь, она пришла сюда танцевать, а не напиваться. Мимо проходит официант, и она возвращает ему бокал с шампанским.Следом за ним проходят две женщины, которая была в серебряном платье, оглядывается на её платье, потом на маску, и говорит своей спутнице, не понижая голоса, так, будто Эли тут нет:

– Смотри, какое платье. Я такого в магазинах не видела.

Эля не оборачивается на эти слова, а смотрит перед собой, на ёлку, и думает о том, что надо уйти, пока её никто не узнал из своих. План был простой: прийти на бал, станцевать хотя бы один танец, выпить бокал шампанского и уйти, но сейчас, ей казалось, что она зря сюда пришла. Ей и правда здесь не место. Изольда была права, и от этого стало совсем противно. Она делает шаг к лестнице, и видит Хантера, и останавливается так резко, что кто–то за спиной едва не наступает ей на подол платья.

Он стоит недалеко от лестницы с тремя мужчинами, и один их них, в сером костюме, говорит без умолку и всё время трогает лацкан, будто проверяет, на месте ли он, а Хантер молча слушает его. На нём тёмный и дорогой костюм, с галстуком, а на левой руке были часы, которые он то и дело поворачивает к свету, будто проверяет, сколько ещё терпеть. Она отмечает, что костюм ему идёт. Потом отступает за колонну, и прижимается к ней спиной. Сердце у неё начинает стучать так громко, что, кажется слышно за колонной. Она делает ещё шаг назад, и натыкается на официанта, она начинает извиняться перед ним.

– Всё в порядке. – Говорит он.

– Точно? – Она смотрит на официанта, потом на поднос, и видит, что всё уцелело. – Ну и хорошо. Мне пора.

Она идёт к лестнице, глядя под ноги, считая шаги: три до угла ковра, ещё пять до первой ступени, и в голове у неё одна мысль: не оборачиваться, потому что, если она обернётся, то останется.

– Простите. – Говорит кто–то, и она налетает на него прежде, чем успевает остановиться.

Голос раздаётся прямо перед ней, и она поднимает глаза, и первое, что видит, это его галстук, а уже потом лицо.

Хантер стоит на её пути, чуть склонив голову набок, держа руки в карманах, и смотрит на неё так, как смотрят на знакомого, которого не может вспомнить. Он смотрел не на её платье, а в глаза, и от этого взгляда ей становилось неловко.

– Мне показалось или вы хотели уйти? – Говорит он, и в его голосе нет ни насмешки, ни любезности, один только вопрос. – А музыка только начала играть.

Эля молчит. В маске жарко, резинка давит за ушами. И он стоит совсем близко.

– Вам показалась. Я не собиралась уходить. – Отвечает она наконец, и сама понимает, как глупо это звучит.

– Тогда потанцуйте со мной, – говорит он, и протягивает ей свою руку. – Пожалуйста.

Из зала доносится первый звук вальса, три такта, будто кто–то проверяет инструмент, и пары начинают двигаться, а ковёр шуршит под их ногами.

– Я не умею танцевать. – Соврала Эля, и это вышло убедительно, по–настоящему.

Она хотела танцевать, и пришла сюда для этого, но только не с ним, не со своим начальником. Когда он был рядом, она чувствовала себя неуверенно.

– Все так говорят. – Отвечает Хантер, глядя ей в глаза. – На первом шаге вы поймёте, что умеете танцевать.

И она замечает, что между ними уже нет того расстояния, которое было, он стоит совсем близко. Эля, вместо того, чтобы отступить, кладёт свою ладонь в его, и она оказывается у него тёплой и приятной. И это тепло идёт выше, к запястью, и там останавливается. Она чувствует

под его пальцами свой пульс. Он ведёт её в зал, и зал расступается, и она видит, как люди начинают поворачиваться к ним. Она слышит, как по залу проходит шёпот, который обрывается на полуслове.

– Держитесь за меня. – Говорит он тихо, наклоняясь к её уху. – И считайте: раз, два, три. На «три» поворот. И не смотрите мне на ноги, смотрите на меня.

– Я умею считать.

– Проверим. – Говорит он, и в уголках его губ появляется что–то похожее на улыбку.

Звук вальса шёл снизу, от пола, через каблуки, через колени, вверх, и от этого звука сами собой расправлялись плечи. Хантер положил руку ей на талию, и она чувствовала тепло его руки сквозь ткань, и первый шаг выходит у неё сам собой, потому что он ведёт уверенно.

– Видите, – говорит он, и в голосе слышится что-то вроде торжества. – Вы умеете танцевать.

Эля держит спину прямо, и думает о том, что если он сейчас её отпустит, и она наверное, покачнётся. Впервые за много лет её никто не жалеет и не отчитывает, а просто ведёт в танце, и от этого в груди становится тесно.

– Я много чего умею, – говорит Эля, и от собственной дерзости у неё холодеет затылок. – Но меня редко об этом спрашивают.

Он засмеялся, коротко, одним выдохом, и от этого смеха ей стало совсем жарко, и она радовалась тому, что под маской этого было не видно.

Они двигаются по кругу молча, и платье шуршит при каждом повороте, искры на ткани вспыхивают и гаснут. Один раз, на повороте танца, она видит их в высоком зеркале у стены: мужчина в тёмном костюме и девушка в белом, у которой лица почти не видно, только глаза хороши видны в прорезях маски, и она успевает подумать, что со стороны они вместе смотрятся красиво.

От него пахнет чем–то тёплым и одеколоном. Под ладонью она чувствует ткань пиджака, а под тканью – он сам, и от этого Эля сбивается со счёта и начинает считать заново, и на «три» поворачивается не в ту сторону, а он молча поправляет его, кладёт ладонь руку чуть выше, между лопатками, и продолжает вести, не говоря ни слова. Платье идёт вокруг её ног, и в какой–то момент она ловит себя на том, что ей хочется, чтобы вальс не заканчивался, и тут же пугается этой мысли.

В зале время идёт иначе. Оно густеет как сироп, и в нём отдельно висят люстры, отдельно танцуют пары, отдельно звучит скрипка, и всё это не имеет отношение к тому, что будет завтра. А завтра её ждёт снова немытая посуда, и список на две страницы. Эля поднимает глаза на люстру, и ей кажется, что стеклянные подвески качаются от музыки, и что весь этот огромный зал был собран только для того, чтобы держать их с Хантером посередине, и не выпускать. Эля замечает часы над входом в зал, и стрелка показывает без четверти двенадцать, и она понимает, что ей пора уходить.

За окном идёт снег, ровный и крупный, и он тоже попадает в такт. Она поворачивает голову, и находит в стене тоже самое зеркало, где видела их двоих. Потом смотрит на него, и где–то внизу живота, там где у неё обычно живёт страх, теперь появилось новое, тянущее и сладкое чувство. Думает о том, что ещё один круг, и хватит, но забывает, и продолжает дальше с ним танцевать. Она даже не заметила, как закончился один вальс, и начался другой, и это было похоже на волшебство.

– И чья вы гостья? – Вдруг спрашивает он, внимательно взглянув в её глаза.

– Ничья. – Отвечает она, пытаясь не выдать себя.

– Этого не может быть, – заявляет он спокойно. – В этом зале находятся люди, которые пришли по приглашениям, и за каждым из них кто–то стоит: муж, фирма, семья.

– Значит, я сюда пробралась незаконно, – говорит Эля, и это выходит почти весело. – И сейчас сюда придёт охрана.

Он снова смеётся, и в этот раз смех идёт из груди, и рука под его ладонью чуть вздрагивает. Когда она только начала с ним танцевать, то чувствовала себя неуютно, а теперь, появилось новое чувство защищенности рядом с ним, и это чувство было такое непривычное, что она не знала, куда его деть.

– Хорошо, – говорит он. – Я никому не скажу, что вы здесь незаконно.

Они проходят мимо ёлки, и на секунду её лицо освещают стеклянные шары, и он смотрит на неё внимательнее, как будто пытается угадать, кто скрывается под этой маской.

– У вас необычные глаза, – говорит он, будто только что это заметил. – Я весь вечер смотрю на в масках, и у всех одно и то же лицо, А у вас оно особенное.

– У меня обычное лицо. – Голос Эли становится чуть хрипловатым, от его слов.

– Возможно и обычное, – соглашается он и наклоняет голову к ней, смотрит так долго, что у неё начинают подкашиваться ноги. – А вот глаза – нет. Я вижу их, и готов смотреть в них вечно.

Эля молчит. А он продолжает смотреть ей в глаза, и от этого взгляда, в зале как будто музыка сделалась тише, и она слышит как шуршит её собственное платье. Она думает о том, что надо ответить что–то колкое в ответ, но ничего не отвечает. Если она останется рядом ещё на минуту, то сойдёт с ума от его близости, и уйти будет уже нельзя.

– Вы впервые на таком мероприятии, – говорит он, с уверенностью в голосе. – Это видно по вашему поведению.

– Неужели это так заметно?

– Вы часто смотрите на выход.

– Ну а вы всё время смотрите на меня. Что я должна подумать об этом? – Говорит Эля, и сама удивляется своей самоуверенности.

Он наклоняет голову ближе к ней, и в его взгляде появляется что–то мальчишеское, чего она не видела раньше, когда заходила в его кабинет.

– Вы должны были подумать, что я очень заинтересовался вами, – на секунду он замолкает. – Меня зовут Хантер.

– Я это знаю.

– Знаете? – Удивляется он. – Откуда?

Она понимает, что сказала лишнее, и внутри всё обрывается, будто она падает в пропасть.

– Здесь вас все знают, – пытается оправдаться Эля. – Вы же самый важный гость здесь.

– Нет. Я здесь не самый важный гость, – говорит он, и пожимает плечом. – Я такой же гость, как и все.

– Вы, хозяин фирмы, которая организовала этот бал, поэтому, как ни крути, вы тут самый главный и важный гость. – Эля произносит это дерзко и весело, будто она светская женщина, которой всё позволено.

Он смотрит на неё, и она видит, что задела его, что ему это было неприятно слышать.

– А как вас зовут? – Спрашивает он, и в голосе слышится любопытство и интерес.

Музыка выводит последнюю фразу, пары замедляются, и вокруг них шум разговоров становится громче, будто в конце танца все устали молчать, и кто–то уже ищет глазами свой столик. Эля смотрит ему в лицо, и не может отвести взгляда, и музыка которая уже закончилась, до сих пор играла в её голове.

– Я этого не скажу.

Он продолжает держать её руку, а она не спешит убрать её, и его большой палец медленно проходит по её запястью, раз, другой, будто проверял её кожу на ощупь, и от этого движения становилось совсем жарко. Они стоят совсем ближе друг к другу, чем нужно для разговора, и она замечает это только сейчас: она чувствует аромат его одеколона. Он тоже замечает это, но не отпускает её руки и не отступает.

– Почему? Это секрет? – Спрашивает он тихо.

– Потому что это бал – маскарад. И если я назову своё имя, волшебство этого вечера закончится.

Она говорит это легко, как будто шутит, и он улыбается. Когда музыка полностью стихла, пары начали хлопать им, а кто–то даже выкрикивал «браво», и в этом шуме, он наклоняется к её уху, и она чувствует его дыхание на шее.

– Тогда вы будете для меня таинственной незнакомкой. - Он произносит это с удовольствием.

– Это же не имя. – Эля начинает смеяться.

– Это даже лучше, чем имя. – Он отстраняется, чтобы увидеть её лицо. – А имя можно найти в списке гостей. И я найду вас. Обязательно найду.

Вероника стояла у противоположной стены. Платье на ней было тёмно-зелёное, тяжёлое, с открытой спиной, и на фоне ёлки, оно казалось почти чёрным, и спину эту было видно издалека. Волосы были уложены волной, лицо гладкое. На пальцах два кольца. От неё пахнет тонко, почти неуловимо. Возле неё стоят две женщины в блестящих платьях и один мужчина в годах, который рассказывает что–то про биржу и держит рюмку двумя пальцами. Вероника слушает, кивает в нужных местах, улыбается и в это время ищет глазами Хантера. Она находит его не сразу, потому что он всё время оказывается в другом месте: вот он у ёлки, вот он идёт к лестнице, вот его закрыла колонна, когда она смотрит снова, его уже там нет. Ей приходится ловить его взглядом, и это начинает её раздражать.

Зал тем временем наполнился так, что было трудно пройти, не задев кого-нибудь плечом. Оркестр сидит на небольшом возвышении, затянутом тёмной тканью, и музыканты играют, глядя в ноты, а не на танцующих: скрипки держат высоко. Свет от люстр идёт сверху, и в нём видно каждую пылинку, поднятую платьями. Вероника продолжает искать Хантера, и ловит взглядом девушку в белом платье, и всё остальное в зале на секунду замирает. Девушка стоит в паре с Хантером, и они начинают танцевать второй вальс подряд: оркестр начал новый вальс, а они как будто это не заметили, продолжили танцевать. Платье на девушке белое, длинное, с вышивкой. Она не смотрит по сторонам: держит голову прямо и смотрит партнёру в лицо, и в маске её лица не разглядеть, только глаза. Вероника смотрит на них, и внутри начинает расти раздражение. Она никогда не позволяла себе ревновать, считала это чувство унизительным, но сейчас ей не нравилось то, что он танцует с другой девушкой. Она видит, как Хантер наклоняется к незнакомке, как он говорит ей что–то, и как смотрит на неё, будто вокруг них никого нет.

– Вероника, вы слышите меня? – Спрашивает женщина слева, и слегка наклоняется к ней. – Я говорю, что в этот году многие пары решили жениться.

– Я вас слышу, – отвечает Вероника и улыбается так, будто ей интересен этот разговор. – Удивительно.

Она ставит бокал на поднос проходящего мимо официанта.

– Простите меня, – говорит она женщинам. – Но мне нужно похитить моего жениха.

Она идёт через весь зал, и по дороге с ней здороваются знакомые, а она здоровается в ответ, улыбается всем одинаково своей неестественной улыбкой. Потом она останавливается, потому что дальше идти некуда: пары двигаются по кругу, одна за другой, и чтобы войти в круг, надо кого–то потревожить, а этого делать она не хотела. Она оглядела зал глазами, и увидела двух друзей Хантера. Один из них, который всегда смеётся громче всех, увидел Веронику, и сразу же направился к ней.

– И с кем это танцует Хантер? – Поравнявшись с Вероникой, говорит он. – Я её не знаю.

– Я тоже её не знаю. – Отвечает она.

Они стоят рядом, и смотрят, как Хантер ведёт незнакомку в повороте, и как её платье отражается в полу, и как он придерживает её руку.

–Ну и хорошо, что танцует, – говорит друг, и поправляет галстук. – Он и так весь вечер простоял у ёлки как часовой.

– Что ты несёшь? Какой часовой? – её голос прозвучал резко и ровно. – Этот танец пора прекратить.

– Зачем? – Спрашивает друг и оборачивается к ней.

– Так нужно.

Она дожидается когда оркестр смолкает, и пары ещё не разошлись, и идёт к ним напрямую, через круг, не извиняясь, и пары расступаются перед ней.

– Хантер, – говорит она громко, так, чтобы слышали стоящие рядом с ним. – Дорогой. Тебя ищут.

Он оборачивается на звук её голоса, и выпускает руку незнакомки, и в это мгновение незнакомка отступает на полшага.

– Кто ищет? – Спрашивает он, и в его голосе слышится досада.

– Друзья. – Отвечает Вероника, и улыбается так, будто извиняется перед ним.

Он смотрит на неё секунду, хмурится от того, что выпустил руку незнакомки, и собирается уже пойти за ней, но в это время друг хлопает его по плечу и что–то говорит про тост, который без него не начнут, и тянет его за локоть. Хантер поворачивается к другу, чтобы отказаться от тоста, и убирает руку, останавливая его. Оглядывает зал, ищет глазами незнакомку, и понимает, что её нигде нет.

В этот момент Вероника видит Элю, которая делает шаг назад. Вероника ничего не говорит Хантеру, смотрит прямо на неё, и взгляд у неё внимательный и спокойный, как у уверенной в себе девушки. Эля делает ещё один шаг назад, и исчезает.

Эля идёт быстро, и на каждом шаге слышит как шуршит её платье. В вестибюле много людей, она проходит мимо них к гардеробу, и протягивает номерок через стойку, и рука у неё при этом дрожит.

– Пальто пожалуйста. – Говорит она.

Пальто оказывается тяжёлым, будто чужим. Она надело его поверх платья, и выходит на улицу. На крыльце её обдаёт холодом, и холод сразу забирается под пальто. Щёки и лоб начинает щипать от мороза, и она чувствует как на ресницах оседает холод. Швейцар предлагает ей такси, и она соглашается. Через минуту машина появилась из ни откуда, и Эля снимает маску.Садится в машину, и выдыхает. В машине тепло и пахнет ёлкой, потому что на зеркале у водителя висит ароматизированная ёлочка, и Эля смотрит на неё некоторое время. Потом она называет адрес, откидывается на сиденье и смотрит в окно: витрины, гирлянды, люди с пакетами, кто-то бежит по переходу. Она прижимает маску к груди, и только сейчас замечает, что пальцы её дрожат, и что дрожь эта совсем не от холода.Ладонь, которой она держалась за него, до сих пор тёплая, и там где касались его пальцы, кожа помнит каждое место, и она сжимает руку в кулак. Закрыв глаза, она видит его лицо, наклонённое к ней, его рука, которая держит её за руку, и глаза, которые смотрели на неё так, будто, кроме неё в зале никого не было, и ей стало так тепло и в то же время больно. Она открывает глаза и понимает, что это больше никогда не повторится, и на душе становится грустно. Ей остаётся только одно, сохранить воспоминания и сегодняшнем вечере и о нём.

В зале Хантер продолжает искать глазами незнакомку. Он смотрит туда, где совсем недавно танцевал с ней, держал за руку, видел её глаза. А теперь её нет. А рядом с ним стоит Вероника и друг. Зал сразу потерял своё волшебство, и ему захотелось уйти.

– Ты кого–то ищешь? – Спрашивает друг с любопытством.

– Никого я не ищу. – Отвечает Хантер.

Он смотрит через зал на лестницу, и ему кажется, что он видит девушку в белом платье, и делает шаг, но потом видит, что это не она. Хантер остаётся стоять с другом и Вероникой, не вслушиваясь в их разговор, он думает лишь о том, что обязательно должен найти «таинственную незнакомку».

– Тост, – напоминает друг, и берёт его снова за локоть. – Пойдём.

– Иду.

Они идут к столу, где его ждут, и по дороге всё–таки поворачивает голову, в надежде увидеть «её», но нет.

– Странный вечер, – говорит Вероника, беря его под руку так, как берут собственного мужа. – Ты весь вечер молчишь. Выглядишь как потерянный.

– Я не потерянный, – отвечает он, и его раздражает её прикосновение. – Просто думаю о своём.

Вероника посмотрела на него, но ничего не сказала, просто улыбнулась.

У стола поднимают бокалы, говорят слова, и он поднимает свой бокал, и тоже говорит тост, и даже пытается улыбаться, а в голове у него её голос. Он вспоминает, как она отказалась назвать своё имя. Он не видел её лица, не знал её имени, но чувствовал рядом с ней себя так хорошо, как не чувствовал себя ни с кем. И если бы у него сейчас спросили, как вам вечер, я бы ответил «волшебный». Таинственная незнакомка поселилась внутри навсегда, и теперь для него самым важным будет одно – найти её и больше никогда не отпускать.

Глава 2 Утро понедельника

Утро в этой квартире начинается со звуков: скрипят половицы, набирают воду, хлопает дверца шкафа. Эля лежит в кровати и слушает эти звуки, не открывая глаз. В комнате холодно, батарея под окном чуть тёплая. И когда в голове всплыли отрывки вчерашнего вечера, она открыла глаза, и увидела платье, которое она повесила на шкаф. На секунду в голове зазвучал вчерашний вальс, его слова «раз, дав, три», как он наклоняется к ней, и как у неё перехватило дыхание от этого. Всю ночь она пролежала в кровати, и слушала тиканье часов, не смогла уснуть. Она садится на кровати, и прислушивается к звукам, но ничего толком не может разобрать. И тут до неё доходит, что платье нужно спрятать, пока Изольда не зашла в комнату. Она встаёт, надевает джинсы и кофту, и снимает платье с дверцы шкафа. Оно громко шуршит в руках, но Эля продолжает его складывать, и тут понимает, что спрятать его некуда. В шкафу нет места. Подумав минуту, она достаёт чехол от пальто, длинный с молнией, и заталкивает платье туда, подгибая пальто. Искры в ткани погасли, все до одной. Эля застёгивает молнию до самого верха, прижимая чехол ладонью, и на секунду задерживает руку, вспомнив, как она танцевала вчера с Хантером. Она тут же одёргивает руку и замирает. Воспоминания всплывали яркой картинкой. Потом, она всё–таки берёт себя в руки, и кладёт маску в карман пальто, а туфли возвращает обратно в шкаф.

– Эля, – Бодрый голос Изольды слышно из кухни. – Ты встала?

– Встала. – Отвечает она, и слышит свой голос, который охрип.

Когда Эля зашла на кухню, сразу почувствовала запах кофе, хвои и подогретой еды. На столе стояли немытые чашки, оставленные кем–то с утра, а рядом лежит открытая коробка конфет. Изольда стоит у плиты в халате, и в халате она выглядит совсем другой: лицо у неё было помятое, и в ней не было той уверенности, какая присутствовала в ней, когда она надевала платье. Без своих платьев, она выглядит обычной женщиной, которая тоже устала и тоже не выспалась. Изольда наливает воду в чашку и смотрит на неё.

– Ты чего такая? – Спрашивает она.

– Какая? – Эля садится на стул возле стола, и тут же встаёт, потому что стул оказывается холодным.

– Мятая. – Изольда делает глоток воды. – И глаза у тебя красные. Ты что, не спала?

– Спала. – Отвечает Эля и смотрит в окно, чтобы не смотреть на неё.

– Ты вчера всю посуду помыла? – Спрашивает она.

– Всю.

Изольда ставит чашку, и подходит ближе, и Эля чувствует запах её духов, оставшийся со вчерашнего дня. Эля отступает на полшага.

– А скатерть?

– Скатерть я погладила.

– И серебро почистила?

–И серебро почистила.

– Ну–ка покажи.

Эля идёт в гостиную, и Изольда идёт за ней, открывает сервант, достаёт серебро. Сервант был старый, с тяжёлыми дверцами. Изольда долго смотрит на ложки. Потом на неё, и в этом взгляде нет злости, только удовлетворение того, что она знала заранее свою правоту.

– Я так и думала. – Говорит Изольда. – Ты его не почистила.

– Я чистила. – Отвечает Эля. – Но, я почищу заново.

– Когда? Ты время видела? Или ты на работу не идёшь?

– Я успею почистить серебро, а потом пойду на работу.

– Ты не успеешь. Ты никогда ничего не успеваешь. – Она посомтрела на неё, и добавила. – Ты прям как твоя мать.

От этих слов внутри у Эли всё сжимается, и она готова сейчас заплакать, потому что хочется товетить Изольде, но нельзя.

– Не надо говорить что–то про маму.

Изольда посмотрела на Элю без интереса, и сказала:

– Иди собирайся на работу, а то опоздаешь.

Она не спорит с Изольдой, уходит в комнату, переодевается, и выходит в прихожую, обувается, и на секунду замирает, вспомнив про маску, которая лежит в кармане, и воспоминания снова стали всплывать в голове. В зеркале, рядом с вешалкой, она видит своё отражение, которое кажется ей чужим. Эля зажмуривается,потом открывает глаза, и наваждение проходит. Она суёт руку в карман, и убеждается в том, что маска на месте.

– Эля, – вдруг говорит Изольда из кухни. – А где твои туфли?

Эля оборачивается и смотрит на Изольду, которая стоит в проёме кухни.

– Какие туфли?

– Белые, которые ты не носишь.

Эля вздрогнула.

– В шкафу стоят.

– А больше у тебя нет туфлей?

– Есть. Одни. Которые я ношу на работе. Они в офисе. Там положено их носить.

– Понятно. - Ответила Изольда, и добавила. – Иди, а то опоздаешь.

– Я уже пошла. – Эля поправляет пальто, натягивает ботинки, и выходит из квартиры. Она так и не поняла, для чего Изольда спросила про туфли. Может она увидела их и поняла, что их обували, и решила устроить допрос. Но, радует одно, что разговор закончился.

На улице её обдаёт холодом, утро выдалось светлым и белым. На проводах и ветках лежит иней, и подъезда сугроб, и в нём кто уже протоптал узкую тропинку. В морозном воздухе до сих пор пахнет мандаринами. Она проходит по узкой тропинке, и оглядывается на пустой двор, потом продолжает направляться к метро, поправляя шарф.

В фирме пахнет ёлкой, конфетами, вином и бумагой. В холле стояла большая ёлка с шарами и бумажными снежинками. Эля поздоровалась с охранниками и прошла мимо них. Она поднимается по лестнице на третий этаж, и входит в приёмную, тихо прикрывая за собой

дверь. Здесь всё стоит на своих местах: стол, лампа, лоток с бумагами, чистая чашка с блюдцем. Она прошла к окну, и посмотрела на соседний дом.

– О, пришла, – говорит Тамара из–за перегородки, и в её голосе слышится удовольствие. – А я думала, ты появишься только в среду.

– С чего бы? – Эля уходит от окна и вешает пальто на вешалку.

– Ну как же, праздники же.

Тамара красила ногти, на её столе были расставлены пузырьки с лаками. Волосы у неё были высоко подняты и заколоты.

Эля ничего не отвечает, садится за свой рабочий стол и включает компьютер, первым что она видит – это заставку с рыбками.

В коридоре хлопает дверь, и звук раздаётся по всему третьему этажу. Сначала слышится голос: «...я же просил сейчас, а не после праздников». Этот голос она узнала бы из тысячи голосов. Сегодня его голос звучит ниже, чем вчера, как будто он говорит через силу. Потом она слышит шаги, быстрые, неровные, будто он идёт и одновременно что–то ищет в телефоне или в кармане. Потом в приёмной открывается дверь и входит Хантер, и внутри у Эли всё переворачивается. Под глазами у него были тени, на подбородке щетина, которую он видимо не успел сбрить, и выглядел он уставшим. А вчера он выглядел совсем по другому: вчера об выглядел бодрее. Костюм на нём был тот же, что и вчера, но галстук был уже другой.

– Доброе утро. – Говорит Тамара ему с улыбкой.

Он кивает ей, потом кивает Эле, и он внимательно смотрит на неё, проходит от двери к её столу и останавливается. От него пахнет тем же одеколоном, что и вчера, и она снова вспоминает вчерашний с ним танец. Ещё несколько секунд она сидит не подвижно, вдыхая его запах, и Тамара замечает её задумчивость.

– Эля, – говорит он, называя её по имени. – Зайдите ко мне через пять минут. – Он разворачивается и уходит.

Дверь за ним закрывается, и в приёмной становится совсем тихо. Эля ловит на себе взгляд Тамары, которая смотрит на неё с любопытством. Она отводит взгляд, и смотрит на монитор, где были изображены рыбки. Он не узнал её. Смотрел прямо на неё и не узнал. С одной стороны, она обрадовалась этому, а с другой, было разочарование. И она не знала, что хуже.

– Что с тобой? – Не выдерживает Тамара.

– Ничего. Голова болит. – Эля говорит это в монитор, чтобы не встречаться с ней глазами.

– А, ну да. – Тамара снова смотрит на свои ногти. – После праздников у всех голова болит.

Через пять минут Эля стояла возле кабинета Хантера, и неуверенно стучит в дверь, выходит слишком тихо, и она стучит второй раз. Входит внутрь. Кабинет у него большой, с окном во двор, и с полкой, на которой стоят папки, и одна фотография в рамке, на которой была изображена женщина, и лица было не разглядеть. Хантер сидит за столом, перед ним разложены листы, и он ищет что–то в телефоне, и когда она появляется у него в кабинете, он поднимает глаза на секунду и говорит:

– Садитесь.

Она садится. Он молчит, листает бумаги, что–то помечает ручкой, а она сидит и смотрит на его руку, которая вчера держала её ладонь. Ей хочется оказаться к нему ближе, но она продолжает сидеть на своём месте. У неё начинают гореть щёки, и она радуется тому, что он смотрит на бумаги, а не на неё. Если бы он сейчас поднял глаза, то увидел бы перед собой раскрасневшуюся девушку, которая слишком нервничает. Вдруг, он поднимает голову, и не замечает ничего.

– Мне нужен список, – говорит он наконец. – Список всех гостей, кто был на вчерашнем балу.

– Список гостей? – Переспрашивает она, и голос садится на полуслове.

– Да. – Он смотрит на неё в упор. – На бал вход был только по приглашениям. Мне нужен полный список, пофамильный, и отдельный список тех, кто пришёл в сопровождении. И список мне нужен до шести часов.

Эля смотрит на него, и думает о том, что список получится очень большой, но она справится.

– Хорошо. – Говорит она, записывает в блокнот, который до сих пор держала в руке, «список до шести», хотя это она и так не забудет.

Он снова берётся за телефон, и она понимает, что разговор окончен, и тихо встаёт, чтобы стул на котором она сидела, не скрипнул, и идёт к двери.

– Эля.

Она оборачивается, и сердце у неё начинает биться сильнее.

– Вы были на празднике? – Спрашивает он так, будто этот вопрос важнее всего для него сейчас.

Она чувствует, как холодеют пальцы на руках.

– Была. – Отвечает она.

– Там была девушка. – Он произносит это медленно, и при этом смотрит на неё. – В белом платье и маске. Вы не видели её? Может быть вы её знаете.

Эля про себя говорит: «Скажи. Скажи правду сейчас», но другой голос ей подсказывает: «Молчи. Иначе пожалеешь».

– Там было много людей, и многие девушки были в масках и в белых платьях.

– Да, вы правы. – И в его голосе послышалось разочарование. – Будет сложнее, чем я думал.

Он откидывается в кресле, и на секунду он задумывается.

Эля стоит у двери и понимает, что он говорит про девушку в белом, которую собирается найти. А она стоит здесь, совсем рядом, и боится признаться ему в этом.

– Я её всё равно найду. – Говорит он. – Я найду её, даже если придётся перевернуть весь город.

Эля выходит из кабинета, и закрывает за собой дверь. Она стоит в коридоре несколько минут, держась за косяк, потому что ноги у неё стали ватными. Когда становится легче, она возвращается в приёмную, и садится за стол, кладёт руки перед собой и очень долго смотрит в монитор. Потом открывает папку с приглашениями и начинает выписывать фамилии. Иногда она поглядывает на окно, где продолжает идти снег, и задумывается о вчерашнем: там она была как принцесса из сказки, а Хантер был принцем. Потом она возвращалась в реальность, и продолжала вносить фамилии в список.

Кухня на третьем этаже – это стол, микроволновка и кофемашина, которая очень громко гудит. Стол был длинный, он стоял у окна, а рядом с ним стояли стулья. И когда наступал обед, все собирались здесь: Тамара с контейнером, бухгалтер Ольга, которая всегда приносит что–то в фольге, и Стас – молодой юрист, тот самый, что здоровается с Элей каждый день в лифте. Эля зашла на кухню, и увидела, что все уже собрались тут: Стас стоит рядом со столом у окна, ест свой бутерброд, и что–то говорит с набитым ртом. Ольга сидит на стуле, и держит контейнер с гречкой и котлетой, у неё круглые очки на лице, которые она постоянно поправляет. А Тамара, сидит за столом, ест аккуратно, отрезая по кусочку, и её контейнер сложен из двух отделений, в одном салат, в другом что–то тушёное; она жуёт и в это время смотрит на всех сразу.

– Я говорю вам, что это какой–то бред, – говорит Стас, обращаясь ко всем присутствующим на кухне. – Искать девушку, которую даже не видел толком. Зачем это нужно.

– А вдруг он найдёт её, – говорит Ольга, и её очки снова сползли к кончику носа. – Вдруг это судьба.

– Что? – Стас поднимает бровь. – О какой судьбе вы говорите. Он не видел её лица. А вдруг за маской не то, что он надеется увидеть.

Эля слушает их разговор и молча наливает себе воды. Вода из кулера идёт слишком медленно, и ей приходится, когда стакан наполнится.

– Ну, допустим, – говорит Стас. – Допустим, он её найдёт. И что дальше? Я вообще думаю, что она не из наших.

– Почему? – Спрашивает Ольга и наклоняется вперёд.

– Потому что из наших никто бы не стал надевать маску на лицо. – Он откусывает бутерброд, и продолжает говорить дальше с набитым ртом. – Может, она из богатых. Пришла с женихом или мужем.

– Ой, да брось ты, – говорит Тамара и вытирает рот салфеткой. – Какой муж? Я слышала что, девушка молодая.

– Вот. Тем более, молодая. А Ему тридцать пять лет. – Продолжает возмущаться Стас. – Зачем ставить весь отдел на уши.

Ольга начинает смеяться, и от смеха её контейнер дрожит, а Эля отпускает кнопку кулера, и делает глоток, потому что на кухне стало как–то душно.

– А Вероника? – спрашивает Ольга шёпотом. – Она то в курсе того, что Хантер собрался искать незнакомку?

– Наверное в курсе, – говорит Тамара. – Потому что лицо у неё с утра недовольное.

– Интересно, к чему это всё приведёт. – Говорит Стаг загадочным голосом.

Все начинают смеяться, и Эля делает вид, что ей тоже смешно, а внутри всё дрожит от страха быть разоблачённой. Раньше Эля не слышала о себе разговоров в офисе, а сейчас все обсуждают её, но никто не знает, о ком идёт речь.

– А ты что об этом думаешь? – вдруг спрашивает Стас у Эли и смотрит на неё.

– Ничего я не думаю. Я её не видела. – Соврала Эля, и это вышло убедительно.

– Ну конечно, тебе же всё это неинтересно. – Усмехается Стас. – Ты же живёшь без приключений.

Тамара как–то странно посмотрела на Элю, но ничего не сказала. Эля делает ещё один глоток воды, и ничего не отвечает Стасу. Она думает над словами Стаса, и правда, её жизнь скучная и неинтересная, и вчерашнее приключение – это единственное её приключение.

– Ладно, – говорит Стас. – Пошлите. У меня сегодня ещё два совещания.

Они выходят по одному. В коридоре в это время идёт своя жизнь: кто–то везёт на тележке коробки с бумагой, кто–то стоит у окна с телефоном. А Эля возвращается на своё рабочее место, где продолжает работать над просьбой Хантера, и в три часа дня выясняется, что за два месяца до бала, приглашения выписывали ещё и в ручную, и часть осталась в архиве, и что без них список будет неполным. Архив находится в подвале, об этом знают все, но никто туда не ходит. Эля спускается по лестнице , и когда оказывается на последнем этаже, чувствует запах сырости. Она натыкается на дверь с окошком.

– Куда? – Спрашивает охранник, и в голосе его слышится строгость.

– Мне нужно в архив, – говорит Эля. – Меня начальник попросил взять списки приглашений на бал.

Охранник долго смотрит на неё, но потом запускает.

– Свет там слева. – Говорит он и показывает рукой в темноту. – И коробки не переставляйте, а то я потом ничего не найду.

В архиве было темно и холодно, и лампочка загорелась не сразу: сначала она мигала, словно думала, и только потом заработала. Коробки стояли рядами, одна на другой, до самого потолка, а между ними были узкие проходы, и в этих проходах темно. На многих коробках написано фломастером: «2019», «договоры», «списки», «не выбрасывать». На некоторых коробках вообще ничего не написано. Пахнет здесь не только сыростью, но и пылью. Эля взяла

коробку с надписью «списки», и стала искать ей нужные бумаги, и когда нашла то, что искала, направилась к выходу. Она идёт к двери и приближается к охраннику.

– Нашли? – Спрашивает он.

– Нашла. – Отвечает она. –

– Ну и хорошо. – Она выходит из архива, и он запирает её двумя поворотами ключа. – А то, тут некоторые по несколько часов сидят, а потом говорят, что им кто–то бумаги подменил. Он говорил это без злого умысла, просто так. И Эля кивает, и поднимается наверх, ей хочется побыстрее вернуться в офис, где тепло и светло.

К шести офис постепенно пустеет. Сначала уходят те, у кого дома дети, а потом те, которые ещё минут сорок собираются, чтобы уйти. Лампы гаснут одна за другой, и в коридоре остаётся свет из под двери её кабинета. Эля сидит за столом со списком в руке: три страницы, фамилии, должности, отметки о сопровождающих. Она проверила эти списки дважды. Она встаёт и видит, что за окном совсем стемнело, а снег всё продолжает идти. Она делает вдох, и выходит из приёмной. Подходит к кабинету Хантера, поправляет кофту, и стучит в дверь.

– Да. – Отвечает он, недовольным голосом.

Эля заходит в кабинет, и видит, что Хантер сидит не за столом, а на подоконнике, спиной к окну, и на коленях у него ноутбук, а рядом лежит телефон, и на экране открыто что–то с фотографиями. Свет в кабинете был только настольный, и от него лицо у Хантера наполовину было тёмным.

– Список, – говорит Эля и протягивает ему листы. – Три страницы. Сопровождающие на отдельном листке.

– Спасибо. – Он смотрит на листы, не не забирает их. – Положите их на стол.

Она кладёт их на стол и продолжает смотреть на него. В кабинете стоял полумрак, но она обратила на фотографии с экрана его телефона.

– Это с бала? – Спрашивает она.

– Что? – Он поднимает голову так, будто вернулся откуда–то издалека.

– Фотографии.

– Да. – Он поворачивает экран так, чтобы ей было видно, и придерживает его ладонью. – Фотограф выложил вчера ночью.

Там, на экране, зал в свете люстр, ёлка, люди с бокалами, и всё это снято со стороны балкона. Он листает снимки, и на снимках видно то, чего в зале никто не замечал: как расходятся люди, как кто–то стоит один у окна и смотрит на улицу, как ходит официант. Вот Вероника у стены, и на фотографии она смотрит на кого–то очень внимательно. Вот его друзья у колонны. Вот оркестр. Вот он сам у ёлки, и лицо у него было скучающее, и Эля смотрит на это лицо и думает, что, когда она танцевала с ним вальс, его глаза светились.

– Я весь вечер простоял здесь, – говорит Хантер и показывает рукой на то место, где находился с друзьями. – Как идиот. Люди подходили, что–то говорили, поздравляли, и я каждому отвечал, а сам смотрел на дверь, в надежде, что она вернётся. Но, она ушла так же таинственно, как и появилась там.

Он листает дальше, и вот на экране появляется она в белом платье, и Эля вздрагивает от неожиданности.Фотография смазана: фотограф поймал их на повороте во время танца, и всё в кадре поехало. Лиц совсем не было видно.

– Вот. – Говорит он тихо и с нежностью в голосе. – Это она - моя таинственная незнакомка.

Эля смотрит на экран, и ноги начинают подкашиваться. Она видит своё платье, свою руку, но не видит своего лица, и от этого становится легче.

– Вы её точно не знаете? – Спрашивает он и поднимает на неё глаза, и в них было столько надежды, что Эля захотела признаться ему, но промолчала.

– Нет. Я её не знаю.

– А вы посмотрите внимательней. – Говорит он, и снова поворачивает экран к ней, чтоба она убедилась в том, что не знает незнакомку.

– Я смотрю. Тут вообще ничего не разглядеть.

– А мне видно. – Говорит он это не ей, а фотографии на экране.

Он закрывает ноутбук. Убирает телефон, и встаёт с подоконника, посмотрев в окно. Его лицо отражается в тёмном стекле, и по этому отражению было видно, что он улыбается

– Всю жизнь думал, что я человек без фантазии. – Говорит он. – Что мне нужны только цифры, отчёты, и чтобы всё было понятно. А теперь сижу и вспоминаю, как от неё пахло, и не могу вспомнить.

Эля стояла и не шевелилась, она боялась сдвинуться с места. Он сейчас говорил про неё, и внутри всё кричало, но снаружи этого не было видно.

– И знаете, что самое глупое? – Он поворачивает голову. – Я даже не могу описать как она смеялась. Помню, что смеялась, а описать как – нет.

– Может быть не стоит её искать. – Вдруг вырывается у неё.

– Нет. Я должен её найти. – Он говорит это спокойно. – И я её найду.

Эля смотрела на него и видела, какой он сейчас уязвимый, и она вдруг понимает, что вчерашний вечер для него был тоже чудом, как и для неё. И от этого понимания, ей стало так тепло и страшно одновременно, потому что чудо, которое он ищет, он в один прекрасный момент найдёт. А вот, то что она не призналась сразу, выйдет ей боком. Она стоит в двух шагах от него, и понимает, что если сейчас признается, всё изменится, и скорее всего, он разочаруется. А если промолчит – то, это «чудо» продлится для него дольше.

– Спокойной ночи. – Говорит она.

– Спокойной ночи. И за список большое спасибо. – Отвечает он.

Она выходит, тихо закрывает за собой дверь и идёт в приёмную к своему столу. За окном продолжает идти снег, и она смотрит на это и думает о том, что, дома её ждёт чехол от пальто, куда она спрятала своё платье. В лифте она достаёт телефон и видит сообщение от отца: «Как прошёл бал?», и Эля отвечает: «Всё было прекрасно. И спасибо тебе за платье», и отправив, долго смотрит на экран. Потом выходит на улицу, в снег, и идёт к метро, и снежинки ложатся на лицо и тают. У метро светятся вывески, люди идут плотно, плечом к плечу, у всех красные щёки и пар изо рта. Кто–то тащит ёлку в сетке и задевает ею прохожих, но никто не сердится. На ступенях стоит женщина с мандаринами, и запах от коробки идёт такой, что Эля на секунду остановилась. В кармане пальто всё ещё лежит маска. Эля находит её, и снова вспоминает «бал».

Дома её ждут, и ждут не для того, чтобы она поужинала, а для разговора. Она открывает дверь и слышит, как в прихожей из шкафа выдвигают ящик. Изольда стоит на коленях перед обувным шкафом, и рядом с ней лежит пакет, и в пакете были её старые туфли.

– Здравствуйте. – Говорит Эля.

– Пришла. – Произносит Изольда не оборачиваясь. – Давай свои туфли.

– Какие туфли? – Эля снимает пальто.

– Те самые. – Изольда наконец смотрит на неё. – Которые у тебя стоят как память.

– Они в комнате, в шкафу.

– Принеси их.

– Зачем? Это мамины туфли.

– Я сказала: принеси.

Эля идёт к себе в комнату и достаёт туфли из шкафа и возвращается в коридор, и ставит туфли перед Изольдой.

– Вот.

– Ты их обувала? – Спрашивает она.

– Нет.

– А мне кажется, ты врёшь.

– Я не вру.

– Тогда почему они в блёстках.

– Не знаю. Может быть, знакомая вернула их такими, а я не глядя поставила их в шкаф. – Соврала Эля.

Изольда смотрит на неё долго, потом берёт туфли, ложит их в пакет.

– Отдайте мне туфли. – У Эли внутри всё обрывается.

Из гостиной выходит отец, он всё слышал. Эля даже не ждала от него защиты, потому – что привыкла, что он всегда молчит и не влезет в споры, но тут он удивил её.

– Отдай ей туфли. Они для неё дороги.

Изольда удивлённо смотрит на отца, и молча возвращает Эле туфли, и она уходит в свою комнату. В комнате она пытается успокоиться, вытаскивает туфли с пакета, и ставит обратно в шкаф. Потом проводит рукой по чехлу, где находится платье, и внутри появляется грусть, от которой хочется плакать, но она не привыкла лить слёзы, поэтому молча раздевается и ложится в кровать. Она закрывает глаза и почти засыпает, но сон сбивается стуком в дверь.

– Дочь. – Говорит отец из–за двери осторожным голосом. – Ты спишь?

– Нет. – Отвечает она и садится в постели.

– Я завтра с тобой поговорю. – Он не входит в комнату, стоит за дверью.

– Хорошо, пап.

Он уходит, и шаги его стихают, и в квартире становится тихо, только телевизор у Эльзы наверху бормочет. Она поворачивается на бок и подтягивает колени, и одеяло натягивается. На потолке лежит полоса света от фонаря, и в этой полосе движется тень от ветки. Эля смотрит на неё и думает о том, что завтра будет всё как всегда, и послезавтра тоже. Завтра она придёт на работу, и Хантер скажет ей «доброе утро», и она ответит, и всё будет как всегда.

В это время, в кабинете, на третьем этаже, Хантер до сих пор сидел на подоконнике и смотрел на пересвеченный кадр, где девушка в белом платье уходит в повороте, и в этом кадре нет ни лица, ни её имени, ничего, за что можно было зацепиться. Он увеличивает снимок, потом уменьшает его, потом снова увеличивает. Потом он закрывает в какой раз ноутбук, и сидя в темноте, смотрит в окно.

Глава 3 Не в те руки

К четвергу зима окончательно сошла с ума. Снега навалило столько, что машины еле ползут по улицам, тротуары замело. Эля идёт по тротуару, прижимая папку к груди, и шарф намотан так, что видно только часть лица. Пальто у неё старое, и на нём налип снег, а ботинки промокли. Зато шапка, тёплая, мамина, с помпоном, и в этой шапке Эля чувствовала себя защищённой. Ей нужно в другой конец города, в контору, с которой у них договор, отвезти подписанные бумаги, и она думает только об одном: дойти, отдать, вернуться, и чтобы папка не размокла до конца, потому что внутри подписи и печати, а печати в такую погоду плывут первыми. Ей выдали их вчера вечером, в четыре часа, когда все уже начинали собираться домой,

– Отвезёшь эти документы завтра с утра? – Сказал Хантер, не поднимая головы от бумаг. – Нужна будеть подпись до обеда.

– Хорошо. – Сказала она и взяла папку двумя руками.

Он в тот момент листал что–то и не смотрел на неё, и это было даже хорошо, потому что видеть его взгляд она не могла, всякий раз, когда он поднимал глаза, ей казалось, что вот сейчас, он всё узнает, и всякий раз он не узнавал, и она уходила к себе, а внутри всё звенело от напряжения.

Ветер бросает снег в лицо, и Эля наклоняет голову, и снег садится ей на ресницы, на воротник, на папку. Она идёт мимо витрин, в которых уже сняли ёлки. На остановке стоят

люди, все в капюшонах, и все смотрят в телефон. У них красные от мороза лица и надвинутые на брови шапки, и все они стоят спиной к ветру, и переминаются с ноги на ногу. У всех почти одинаковые позы и одинаковые лица, и от этого кажется, что они не автобус ждут, а стоят в очереди за чем–то. Кто–то притопывает, кто–то дует на руки, и пар от дыхания висит над ними общим облаком, будто они греются одним и тем же воздухом. Кто–то держит в руках стакан кофе и дует в него, и пар от кофе идёт назад, через плечо. Автобус, который подходит, набит так, что места внутри совсем не осталось. Места для Эли в автобусе нет, и она решает идти пешком до метро.

– Девушка. – Говорит ей мужчина в пуховике. – Вы папку крепче держите, вон как задувает.

– Спасибо. – Отвечает она, и прижимает папку сильнее.

Мужчина кивает и уходит, а она прижимает папку к себе крепче, и провожает взглядом его. Потом она идёт дальше, а в голове у неё Хантер: его руки, его глаза. Она старается думать о бумагах, о том, что нужно успеть до обеда, но ничего не выходит, потому что мысли о Хантере возвращаются вновь и вновь. Она знала, что это глупо, но ничего с этим поделать не могла. Прошло уже четыре дня с того вечера в кабинете, и за эти дни она видела его несколько раз: один раз в коридоре, один раз у лифта, и ещё на совещании. И каждый раз, после того, как она его встречала, внутри становилось так тепло и хорошо, что на её лице появлялась счастливая улыбка. Она даже ловила себя на мысли, что нарочно идёт по коридору, мимо его кабинета в надежде, что он сейчас выйдет.

Снег летит ей в лицо, и в его белом мареве улица теряет конец: дома впереди расплываются, фонари горят, но ничего не освещают, и прохожие появляются из ниоткуда, как будто выходят из стены. В такой метели город кажется заколдованным. Её обдаёт ветром с ног до головы, и она на секунду зажмуривается, и снова думает о том, что если бы он узнал её в тот вечер, всё было бы иначе. Хуже или лучше, она не знает, но однозначно иначе. Но, сейчас, она несёт бумаги в другой конец города, и старается не думать о нём.

– Не думать! – Говорит она вслух, и ветер уносит её слова, и какая–то женщина впереди оборачивается и смотрит на неё.

Снег продолжает сыпать ещё сильнее, и Эля прибавляет шаг, потому что хочет успеть до того, как метель окончательно заметёт дорогу. Папка в руках уже вся мокрая, и угол папки сильно размок, а внутри важные бумаги. И если эти бумаги размокнут, то ей придётся объясняться перед Хантером.

Она доходит до угла, где ветер на секунду стихает, и останавливается чтобы перевести дух. Здесь, за выступом дома, снег лежит нетронутый, ровный. У стены кто–то оставил детские санки с верёвкой, и они уже припорошены снегом. Отсюда видно переход и людей на нём. Светофор мигает зелёным и люди идут на него как на огонёк в темноте. Эля поправляет шарф и прижимает крепче папку с документами к себе, и делает шаг в сторону на дорогу, и в этот момент у неё вдруг екает внутри, как будто где–то поблизости был Хантер. Она оглядывается назад, но ничего не видит, и думает, что показалось. Эля чувствует, как правая нога уходит вперёд сама по себе, и всё, что она успевает подумать, это «только не бумаги». Папка выскальзывает у неё и рук, листы вылетают и разлетаются по снегу, а один из них похватывает ветер, и несёт к обочине, и в это время её саму тянет в сторону. Но, кто–то ловить её за локоть. Не за руку, не за плечо, а именно за локоть, крепко и вовремя, и она успевает выпрямиться, и оказывается лицом к человеку, который её держит. Хватка тёплая и очень уверенная. Она смотрит на лицо человека, который спас её от падения, и видит перед собой Хантера. Он в пальто, без шапки, снег лежит у него на волосах и на плечах, и в его глазах она увидела испуг. Он продолжает держать её за локоть, и она опирается на его руку, и в этот момент будто всё замирает вокруг них: машины едут мимо, ветер стихает.

– Осторожно. – Говорит он испуганным голосом. – Здесь лёд по снегом. Тут каждую зиму кто–то ломает руку.

– Спасибо. – Отвечает она взволнованным голосом.

Он не отпускает её локоть, а наоборот, переставляет руку чуть выше, чтобы держать крепче, и другой рукой придерживает её за плечо, и от этого Эля оказывается почти в его объятиях. И ей хотелось бы стоять так подольше.

– Вы как? – Спрашивает он, и наклоняется, чтобы заглянуть ей в лицо. – Ногу не подвернули?

– Нет. Я в порядке, правда.

– Точно? – Переспрашивает он.

– Точно.

Он смотрит ей в лицо, будто проверяет, не врёт ли она, и в его взгляде было столько нежности, что у Эли внутри всё переворачивается. И потом, его лицо резко меняется, он смотрит на неё так, как будто пытается что–то вспомнить, хмурится.

– Мы с вами... – Начинает он и не заканчивает фразу.

Ветер швыряет снег им в лица, и она моргает, а он всё ещё держит её. И на секунду ей кажется, что он вот–вот всё поймёт. У него начинает звонить телефон, и Хантер вздрагивает, и опускает глаза к карману, и это движение всё разрушает: от отпускает её, достаёт телефон, смотрит на экран.

– Извините. – Говорит он.

– Бумаги. – Произносит Эля.

– Что?

Она показывает рукой на дорогу, и он оборачивается и видит листы, которые ветер тащит по снегу.

– Чёрт.

Он прижимает телефон к уху, говорит в него: «Да, секунду», и, не убирая телефон, приседает, чтобы поднять листы, и подаёт ей их, и она берёт листы в руки, и пальцы их касаются друг друга.

– Извините, Эля, я вас не узнал сразу. Подумал, что вы... – Он замолкает на секунду, и потом продолжает: – Я спешу.

Он уходит, оставляя Элю одну по середине дороги, но оборачивается, и смотрит на неё, как будто хотел ещё что–то спросить.

Эля опускается на колени, и начинает собирать оставшиеся бумаги с дороги, и колено сразу же отзывается болью. Листы все мокрые, и на одном листе, где стоит его подпись, вода поплыла вокруг неё, и синие чернила расползлись по бумаге.Она собирает их, прижимает к груди и идёт дальше, и теперь она старается идти осторожно, короткими шагами. Она видит, как впереди идёт Хантер, и до сих пор держит телефон у плеча, и что–то говорит говорит в трубку резко и коротко, и на ходу поправляет шарф. Она хочет позвать его по имени, чтобы он ещё раз обернулся, и посмотрел на неё, но она произносит его имя про себя.

– Хантер. – Говорит она шёпотом, чтобы проверить, как звучит его имя.

И на секунду ей кажется, что имя остаётся в воздухе: висит, и медленно тает. Она останавливается на тротуаре, и снег садится на её ресницы. Хантер ушёл дальше, и она его уже не видела. Люди проходили мимо неё, и оглядываются на неё. Боль в колене стала сильнее, и от этой боли было больно наступать на ногу. Ей захотелось сесть на бордюр и заплакать, но сдерживает себя. Эля поправляет шапку, вытирает лицо, и идёт вперёд. Она делает это медленно, руки у неё уже заледенели от холода. Контора, куда она идёт, находится в старом доме с высокими потолками и лепниной на стенах. Она подошла к двери, заходит внутрь, и поднимается на второй этаж по лестнице с чугунными перилами. Внутри было тепло и тихо. Она зашла

в кабинет, где сидела женщина лет шестидесяти, в шерстяной кофте и в очках на цепочке, а перед ней стоит чашка с чаем, и рядом лежит раскрытый кроссворд.

– Здравствуйте. – Говорит Эля. – Я из фирмы «стрела». Принесла бумаги на подпись.

Женщина поднимает на неё глаза, потом смотрит на папку, потом на её мокрое пальто, потом опять на папку.

– Промокли. – Говорит она утвержающе.

– Немного. – Отвечает Эля, и почему–то чувствует себя школьницей.

Она берёт папку у Эли, и раскладывает листы на столе, и делает это медленно. Листы мокрые, и от них на столе остаются мокрые следы.

– Ох, – говорит женщина и поджимает губы, и смотрит на тот лист, где подпись испортилась.

– Подпись намокла. – Объясняет Эля, как будто это что–то изменит.

– Вижу, что это подпись директора. – Она поднимает лист к свету. – Она у вас расплылась, милая. Такую подпись у вас не примут.

– Её нельзя восстановить? – Спрашивает с надеждой Эля.

– Нет. – Женщина кладёт лист на стол и разглаживает его ладонью. – Нужно будет переподписывать.

Она подаёт Эле бланк, и она убирает его в папку.

– Завтра до обеда жду.

– Хорошо.

Эля выходит на лестницу, и дверь за ней закрывается с мягким стуком. Она идёт вниз и держится за перила обеими руками, потому что после того, как поскользнулась, она теперь не доверяет даже ступеням, и на площадке между этажами останавливается, потому что в окне видно двор: занесённые снегом качели, и горка. И в этом окне она видит себя, не отражение в стекле, а будто вторую Элю, которая катается с горки. Потом идёт дальше, и выходит на улицу, где продолжает валить снег, и думает о том, что теперь придётся объяснять Хантеру про испорченный лист, который нужно будет переделать и заново подписать.

Вернувшись в офис, Эля заходит к нему в кабинет, и видит, как он сидит с телефоном у уха, и машет ей рукой, чтобы она села на стул. Она садится, кладёт папку на колени и ждёт, когда он договорит по телефону.

– Да. – Говорит он. – Что у вас? – Он кладёт телефон на стол.

– Бумаги в конторе не приняли. – Она открывает папку. – То есть, приняли, кроме одного листка, его нужно переписать.

Она кладёт перед ним лист с синим пятном. Хантер смотрит на пятно.

– Что это? – Спрашивает он, хотя всё и так понимает.

– Я поскользнулась на переходе, папка выпала из рук, и листы рассыпались по дороге. Вы мне ещё помогли поднять несколько листов. – она говорит это ровно, и смотрит ему в лицо, но у неё дрожат руки, и кроме её, этого никто не видит.

Он берёт лист и поворачивает его к свету, и смотрит на него.

– Да. Я помню. Я спас вас от падения.

В кабинете становится тихо, и от этой тишины становится неловко. Он смотрит на неё, и она понимает, что сейчас, в эту секунду, он ближе всего к тому, чтобы узнать правду, и ей остаётся только признаться, но она снова не решается этого сделать.

– У вас шапка была с помпоном. – Говорит он и показывает рукой над своей головой, и это выходит смешно.

– Да. – Эля улыбается, и протягивает ему новый лист для подписи.

Он берёт ручку и подписывает его на договоре. Подпись выходит мелкая и аккуратная.

– Завтра отвезёте ещё раз. – Говорит он.

– Хорошо.

– И, Эля. – Он поднимает глаза. – Будьте осторожней на улице.

– Хорошо.

Она встаёт и забирает папку.

– Постойте.

Она оборачивается, и внутри снова ёкает.

Он смотрит на неё и молчит.

– Ничего. – Говорит он наконец. – Идите.

Эля выходит и прикрывает за собой дверь. Она возвращается в приёмную и садится на свой стул.

Хантер сидит за столом и уже полчаса смотрит в один и тот же абзац договора, и абзац не двигается с места. Пиджак он снял, и повесил на спинку кресла, рукава на рубашке закатаны до локтя, а галстук ослаблен. Волосы он то и дело поправляет рукой, и они стоят дыбом, и от этого он выглядит моложе и глупее. На полке за его спиной стоят папки, все с одинаковыми корешками, и одна выдвинута вперёд. Он откладывает договор и откидывается в кресле, и кресло скрипит под ним. За окном до сих пор идёт снег, и в свете фонаря он летит медленно. Хантер смотрит на снежинки и на секунду забывает, что он находится в офисе, что у него договор, и что завтра встреча. Он сам не понимает почему, но в его голове всплыла картина с Элей: как он подхватывает её, и как он чувствует её фигуру через пальто, видит её лицо красное от ветра, мокрые ресницы. И от этого воспоминания, внутри начинает что–то тянуть. И ещё он помнит её голос: не слова, а то, как она сказала «спасибо», тихо, будто извинялась за то, что ему приходится её держать. Он весь вечер пытается вспомнить, слышал ли этот голос где–то ещё, и не может, и от этого ему кажется, что он упускает что–то важное.

– Показалось! – Говорит он вслух.

Логика простая: он на протяжении некоторого времени ищет девушка в белом платье, и не может её найти, и поэтому, она мерещится ему везде, в каждой девушке. Он берёт телефон и открывает заметки, и в списке заметок у него всё по делу: «счета», «юристы», «подарок матери». Некоторое время он держит палец над экраном, потом он набирает одно слово: «глаза». Он смотрит на это слово, и понимает, что ухватиться не за что, но всё равно его сохраняет. Он убирает телефон на стол, и в этот момент дверь открывается без стука, и он уже знал кто это.

Вероника входит в кабинет в шубе, и от неё идёт холод, и снег на плечах ещё не растаял. Шуба у неё светлая и длинная, с широким воротником, и на голове меховая шапка, которая ей идёт, и она это знает. В руках у неё сумка, а на пальцах кольца. С улицы на её щеках держится румянец. Она не снимает шубу, а стоит в дверях, держа сумочку обеими руками, и смотрит на него.

– Ты не звонишь мне. – говорит он это без упрёка, констатируя факт.

– Я собирался.

– Ты собирался, но так и не позвонил. – Она проходит и садится в кресло напротив, не расстёгивая шубу, и это почему–то выглядит как объявление войны. – Я заезжала к тебе домой. Тебя нам не оказалось. Я позвонила в приёмную, никто не берёт. Я уже подумала, что, что–то случилось.

– Я работаю. – Отвечает он сухо.

Вероника молчит, и это его раздражает. Она не утраивает сцен, не повышает голос, она просто сидит и ждёт, и от этого каждая секунда становится длиннее.

– Хантер. – Говорит она наконец. – Я тебя знаю семь лет.

– Ну да. Семь лет. – Отвечает он.

– Я знаю, как ты выглядишь, когда у тебя неприятности, и как – когда ты устал, и как – когда ты собираешь соврать. – она поправляет воротник шубы. – Сейчас у тебя лицо человека, который собрался мне врать.

Он ничего не отвечает.

– Это всё из–за той девушки? – Спрашивает она спокойно, и от этого спокойствия ему становится не по себе. – Девушка с «бала».

– Вероника. – Говорит он, и это имя выходит у него как просьба.

– Что? Я спрашиваю прямо, ты же можешь ответить прямо.

Он смотрит на неё и думает о том, что она красивая, умная, что она всё делает правильно, и что рядом с ней всегда всё просто и понятно. И ещё, он думает о том, что если сейчас соврёт, она всё равно поймёт. За семь лет, он ни разу не смотрел ни на кого из женщин, кроме той самой незнакомки на балу, и это наверное, и есть ответ на все вопросы. И он ещё сам не понимает, что с ним происходит, и что это за чувство.

– Да, я заинтересовался этой незнакомкой. Но, это всё позади.

– Вот как.

– Да. – Говорит он, и это «да» висит в воздухе как неправда.

Вероника медленно расстёгивает шубу, пуговицу за пуговицей.

– Знаешь, что самое обидное? – Продолжает она. – Я бы поняла, если бы ты влюбился в неё. Я бы даже, наверное, смогла это пережить. – Она поднимает глаза, и в них нет ни слёз, ни злости. – Но ты не влюбился. Ты просто решил, что эта девушка, какое–то чудо. Но, это не так. И когда ты её найдёшь, если найдёшь, конечно, то скорее всего разочаруешься.

Он молчит, потому что возразить не может, а согласиться нельзя.

– Ладно, – Говорит она и встаёт, и шуба на ней так и остаётся расстёгнутой. – Я поеду домой. У меня завтра встреча в девять утра.

– Вероника.

– Что? – Спрашивает она у двери.

– Я тебе позвоню.

– Хорошо. Буду ждать твоего звонка.

Она уходит и закрывает за собой дверь, и он слышит, как в коридоре стучат её каблуки, и этот звук удаляется и стихает.

Хантер снова берёт телефон и открывает заметку «глаза», и палец у него на экране чуть заметно дрожит, и он сам этого не замечает. Смотрит так некоторое время, потом убирает телефон. Встаёт с кресла, надевает пальто, и выходит из кабинета. Он проходит в приёмную, которая оказывается пустой, компьютер Эли выключен, а на её столе стоит чашка и лоток с бумагами. Он проводит по столу рукой и уходит.

Домой Эля возвращается в девятом часу, и в квартире пахнет жареной картошкой, и этот запах стоит уже в подъезде, и от этого запаха у Эли начинает сосать под ложечкой. В прихожей она снимает ботинки и ставит их на газету. Изольда была на кухне, в фартуке поверх платья.

– Пришла. – Говорит она, не оборачиваясь. – Мой руки. Там картошка, и селёдка в холодильнике, и хлеб бери.

– Спасибо. – Говорит Эля и, помыв руки, на секунду прижимается лбом к её плечу, и Изольда делает вид, что ничего не заметила.

Эля садится за стол и ест, картошка горячая, с луком, и от неё идёт пар. Изольда садится напротив с чашкой чая и смотрит, как она ест.

– Ты сегодня какая–то уставшая. – Говорит она.

– Да, я и правда устала.

– Слушай, я давно хотела спросить. Ты кем вообще там работаешь?

Эля поднимает глаза и на секунду перестаёт жевать.

– Помощницей. У директора. – Отвечает Эля, и чувствует, что краснеет, и ненавидит себя за это.

– У директора, значит. – Повторяет Изольда с улыбкой. – А он женат?

У Эли замирает рука с вилкой в воздухе.

– Что за вопросы?

– Что? Я просто спрашиваю. – Она облокачивается на стол. – Девушка в двадцать два года должна думать о своём будущем, а не сидеть в приёмной с кучей бумаг.

– Я делаю свою работу.

– Можно же работать и одновременно строить свою жизнь.

Эля понимает, что спорить с Изольдой было бесполезно, поэтому она продолжила молча есть картошку. Изольда смотрит на неё ещё немного, потом встаёт и уходит в гостиную, где включает телевизор. Отец приходит позже, с пакетом в руке. В нём хлеб и молоко.

– Ты поела? – Спрашивает он, заходя на кухню.

– Да, я поела.

Отец садится напротив.

– Ну, – говорит он. – Как дела на работе.

– Нормально.

– В общем, всё как обычно? – Спрашивает он.

Она понимает о чём он говорит. Он спрашивает так про бал.

– Всё как всегда. – Спасибо тебе ещё раз за платье. Я его убрала в чехол из под пальто.

Отец после этого кивает и уходит в гостиную, и Эля слышит, как Изольда говорит ему: «Ну где ты ходишь», и он начинает отвечать что–то невнятное.

Эля моет посуду, вытирает стол, выносит мусор, и вс это она делает почти не думая: вода в раковине шипит, губка скользит по тарелке, и на пальцах остаётся мыльная пена, которую она смывает под водой. После того, как дела были сделаны, она выключает свет на кухне, и идёт в свою комнату. В комнате всё как всегда: шкаф, стол, кровать. Она достаёт телефон, ставит будильник на семь утра, чтобы успеть спокойно собраться на работу. Убирает телефон, раздевается и ложится в кровать под одеяло. За стеной ещё бормочет телевизор, и Изольда над чем–то смеётся, а Эля лежит в своей постели, и думает о то, что она больше не будет ждать, когда он её найдёт. В конце концов, если бы он хотел найти её, то давно бы уже нашёл: узнал бы глазам, или по голосу. Но, он как будто ничего не замечает вокруг себя. С этими мыслями она закрывает глаза, одеяло уже согрелось и ей стало тепло, а подушка принимает форму головы, и Эля засыпает.

Глава 4 Отговорки друзей

В ресторане было шумно и жарко. Зал был длинный, с жёлтыми стенами и с низкими лампами над каждым столом, и от этого света лица у людей были тёплыми. Пахнет жареным мясом и вином. За стойкой звенит посуда, официант с полотенцем на руке лавирует между столами, и где–то у окна играет тихая музыка, которую никто не слушает. Окна затянуты морозной паутиной, и в них отображаются лампы. Хантер сидит спиной к залу, и перед ним на столе стоит бокал, из которого он выпил два глотка за вечер, тарелка с недоеденным стейком и телефон, который он то и дело поворачивает экраном вниз. Напротив него сидит Марк, в рубашке, с расстёгнутым воротником. Марк крупный, широкий в плечах, с загорелым лицом, и он всегда говорит громче всех, потому что привык, чтобы его все слушали. Кирилл, наоборот, узкий, подтянутый, с коротко подстриженными волосами. Они дружат с детства, и с тех пор ничего не изменилось. Марк всё так же занимает места больше, чем нужно, а Кирилл, всё так же оставляет себе ровно своё, и в компании это выглядит как договор, который никто не подписывал, но никто его не нарушает.

– Ну? – Говорит Марк, и ставит локти на стол. – Рассказывай. Мы тут уже третий час сидим и делаем вид, что нам интересен футбол.

– Что рассказывать. – Спрашивает он.

– Как что? – Марк откидывается на спинку стула. – Ты нас сюда зачем позвал? Про договор мы могли поговорить и в офисе.

Хантер вертит бокал за ножку.

– Мне кажется, что я схожу с ума. – Говорит он. – Я вижу незнакомку в каждой девушке.

Кирилл поднимает глаза от тарелки, и вилка в его руке замирает. Марк ставит бокал так, что вино начинает качаться.

– Кого? – Спрашивает Марк, и голос у него делается тише.

– Девушку. – Говорит Хантер. – Ту самую, с бала.

– Господи. – Говорит Марк. – Хантер, ты понимаешь, как это звучит? Тебе не кажется, что с этим пора заканчивать.

– Я не могу. – Говорит Хантер.

– Ты взрослый мужик, у тебя есть фирма, и у тебя есть Вероника, а ты ходишь и ищешь девушку в маске. Тебе уже пора жениться, и обзавестись детьми.

– А я не могу выкинуть её из головы.

– Почему? – Спрашивает Марк, и впервые за вечер смотрит на него серьёзно.

Хантер молчит и смотрит на бокал. Он думал о том, что ответить на этот вопрос. Сказать правду или соврать.

– Она как будто заворожила меня в тот вечер, обожгла изнутри. – Говорит он наконец, и поднимает глаза на Марка. – Я не знаю, как это объяснить, но, она сидит в моей голове как наваждение. Я помню её запах, я помню запах, который я чувствую до сих пор.

Марк смотрит на него и молчит, потому что впервые за весь вечер ему нечего сказать. Кирилл аккуратно кладёт вилку на стол.

– А тебе не приходило в голову, что эта девушка создала вокруг себя таинственность, потому что не хочет, чтобы её нашли. – Говорит Кирилл.

– Я об этом не думал. – Отвечает Хантер.

– У тебя свадьба на носу, а ты ночуешь в кабинете, и думаешь о какой–то незнакомке. – Кирилл вытирает рот салфеткой и складывает её пополам. – Может быть, тебе просто обратить внимание на Веронику, на которой ты скоро должен жениться.

Марк кивает в знак согласия и подливает себе вина. Бутылка стоит между тарелками, и на ней уже нет этикетки.

– Или, – говорит Марк и ставит бутылку на стол. – тебе нужно выбросить все эти глупости о незнакомке из головы. Займись делом, проводи больше времени с Вероникой, съездите куда-нибудь вдвоём. Через месяц ты будешь вспоминать эту незнакомку и смеяться.

– Я не буду смеяться. – Говорит Хантер, и в голосе было столько уверенности, что Марк замолкает.

За соседним столом смеётся девушка, и её смех звенит в ушах, и Хантер поворачивает голову, и смотрит через плечо на неё.

– Ты всегда оборачиваешься на каждую девушку? – Спрашивает Марк.

– Нет. Не на каждую. – Отвечает Хантер.

– Оборачиваешься. – Марк ставит бокал так, что вино опять качается в бокале. – Слушай, друг, я тебя уважаю, но это уже болезнь. Ты разговариваешь с нами, а сам оборачиваешься на женский смех. Телефон берёшь в руки каждые пять минут. Ты хоть знаешь, сколько раз ты брал свой телефон в руки? Я не считал, но, у меня уже от этого движения в глазах рябит.

Хантер не отвечает и смотрит на стол, и в этом молчании слышно, как за спиной снова смеётся девушка.

– Ладно. – Говорит Кирилл, и пододвигает к себе стакан с водой. – Допустим, ты её найдёшь? И что дальше? Что ты ей скажешь? Здравствуй, это я?

– Я скажу, что искал её и наконец нашёл.

– А зачем? – Спрашивает Кирилл.

– Потому что она поселилась у меня внутри, и я не могу выкинуть её из головы. А самое интересное в этой истории то, что незнакомка знает меня: она знает моё имя, знает, что у меня есть фирма. Возможно, она даже работает в моей фирме.

– А ты не думал о том, что ты был просто развлечением для неё на тот вечер. Бал, музыка, интересный мужчина рядом. – Говорит Марк.

– Думал. – отвечает Хантер. – Я много чего думал. Но уверен, что я был для неё не просто развлечением.

За столом становится тихо, и в тишине слышно, как за спиной кто-то просит счёт. На столе между ними стоят бокалы с тёмными следами вина, тарелка с остывшим мясом, хлеб в корзинке, из которой уже выбрали все горбушки, и лежит мобильник Марка, который время от времени вздрагивает и загорается, и Марк каждый раз смотрит на него, но не читает.

— Ты понимаешь, как это выглядит? — спрашивает Кирилл и наклоняется ближе, чтобы не говорить громко. — Ты ищешь девушку, которую видел один раз, и то она была в маске, а у тебя есть невеста, у невесты есть семья, с которой у тебя общий бизнес. Ты хоть думаешь о том, чем это всё кончится? Не для тебя, для фирмы, для людей, которые на тебя работают.

— О том, чем это закончится, я думаю всё время, — говорит Хантер.

Он открывает фотографию и кладёт телефон на стол, между тарелками, и Марк с Кириллом наклоняются над экраном, и от их дыхания на стекле остаются два влажных пятна.

— Вот, — говорит он и показывает пальцем, будто показывает что-то на карте. — Тут.

На снимке зал, ёлка, лестница и девушка в белом платье, уходящее в поворот, и всё это снято немного косо, потому что фотограф снимал на ходу.

— Здесь ничего толком не видно. — говорит Марк и откидывается на спинку стула.

— Это она, — говорит Хантер и наклоняется к самому экрану.

— Хантер, это просто девушка. — говорит Марк. — Тут даже рук толком не видно, не то что лица.

— Видно, — говорит Хантер и увеличивает кадр двумя пальцами, так осторожно, будто боится стереть. — Вот рукав платья. Вот подол.

Кирилл смотрит на фотографию и ничего не говорит, и от его молчания Хантеру становится не по себе, потому что Марк хотя бы спорит, а Кирилл молчит так, будто уже всё понял.

— Ну? — спрашивает он и слышит, как жалко это звучит.

— Мне видно, — говорит Кирилл наконец. — Не лицо, а платье. И, если честно, это странно, что мы сидим здесь и говорим о какой–то незнакомой девушки, чьё лицо мы не не видим.

— А это значит, что наш друг Хантер, сошёл с ума. — говорит Марк и поднимает бокал, будто предлагает тост за это открытие.

Марк смотрит на него, и в его взгляде впервые нет насмешки.

— Ты понимаешь, да? — спрашивает он и ставит бокал, так и не выпив. — Что ты собираешься найти девушку, у которой могут быть другие планы на жизнь. Может, она вообще замужем. Может, она тебя не вспомнит. Ты об этом думал?

— Я просто хочу увидеть её лицо, — говорит Хантер. — Без маски и посмотреть ей в глаза, спросить, как её зовут. И если окажется, что она меня не помнит, я это переживу.

Он говорит это и сам слышит, как это звучит: по-дурацки, по-детски. И всё равно не отказывается от своих слов. Он сидит, ссутулившись, и смотрит на стол, а пальцы у него сжимаются и разжимаются, будто он комкает салфетку.

Потом Кирилл начинает говорить про дела, а Марк говорит про футбол, и Хантер молча кивает, и в бокале у него дрожит отражение лампы, и от этого кажется, что в вине плавает маленькое солнце.

Через час, когда разговор перешёл на футбол и договоры, в зал входит Вероника, и Хантер видит её раньше остальных, потому что сидит лицом к двери.

Она входит так, как входят в комнату, где её ждут: не оглядывается, не ищет стол, а сразу идёт к нужному, и по дороге двое мужчин за столиком у окна поворачивают головы, а женщина в красном платье смотрит на её пальто с той внимательностью, с какой женщины смотрят на чужие пальто, и официант с полотенцем на руке сам отступает с её дороги. Пальто у неё расстёгнуто, снег на плечах уже растаял, и на щеках с мороза был румянец, от которого лицо делается мягче, и она улыбается ещё до того, как подойти, той улыбкой, которую надевают вместе с пальто. Хантер смотрит на неё и думает, что она красивая, и что когда-то он ждал её прихода так, что не мог сидеть на месте, и что теперь он ждёт её прихода примерно как ждут счёт: без радости, но с пониманием, что это всё равно случится.

Через час, когда разговор перешёл на футбол и договоры, в зал входит Вероника, и Хантер видит её раньше остальных, потому что сидит лицом к двери. Она входит так, как входят в комнату, где её ждут: не оглядывается, не ищет стол, а сразу идёт к нужному, и по дороге двое мужчин за столиком у окна поворачивают головы, а женщина в красном платье смотрит на её пальто с той внимательностью, с какой женщины смотрят на чужие пальто, и официант с полотенцем на руке сам отступает с её дороги. Пальто у неё расстёгнуто, снег на плечах уже растаял, и на щеках с мороза был румянец, от которого лицо делается мягче, и она улыбается ещё до того, как подойти, той улыбкой, которую надевают вместе с пальто. Хантер смотрит на неё и думает, что она красивая, и что когда-то он ждал её прихода так, что не мог сидеть на месте, и что теперь он ждёт её прихода примерно как ждут счёт: без радости, но с пониманием, что это всё равно случится.

— Добрый вечер, мальчики, — говорит она и садится рядом с Хантером, не спрашивая, свободно ли, и садится так близко, что их плечи соприкасаются, и её рука на секунду ложится на его руку — не пожатие, а просто касание, которым она как будто напоминает ему о себе. — Я на десять минут, потом поеду.

— Мы уже заканчиваем, — говорит Марк.

— Очень хорошо. — Вероника поворачивается к Хантеру всем телом, и от этого Марк с Кириллом разом делаются лишними. — Ты снова не отвечаешь на мои звонки. А я звонила тебе дав раза.

— Не слышал.— Отвечает он.

Она не спорит, но и не улыбается: смотрит на него несколько секунд, потом переводит взгляд на стол, на его бокал, на телефон экраном вниз, и по порядку этого взгляда видно, что она читает стол, как читают чужое письмо.

— У вас тут, я смотрю, серьёзные разговоры, — говорит она и кладёт сумочку на край стола. — О чём?

— О футболе, — отвечает Марк, и отвечает слишком быстро.

— Как интересно. — Вероника подзывает официанта движением руки, коротким, как будто она делает это ежедневно, и просит воду без газа, и официант кивает ещё до того, как она заканчивает. — А Кирилл как всегда молчит.

Кирилл улыбается и разводит руками. Марк отставляет бокал.

Воду приносят в высоком стакане, со льдом и с ломтиком лимона на краю. Вероника делает два глотка, и на её пальцах блестят кольца, и на ногтях лак цвета мокрого камня, и стакан она держит не за стенку, а за основание, как держат бокал на приёме, и Хантер замечает, что за семь лет так и не привык к этой её манере.

— Я, собственно, зачем приехала, — говорит она спокойно и ставит стакан. — Мама спрашивает про дату. Она вчера звонила дважды, и второй раз даже немного обиделась, что я не могу ответить точно. Ты же знаешь, она не любит неопределённость.

Хантер ставит бокал на стол.

— Про какую дату? — спрашивает он.

— Как про какую, Хантер. Про свадьбу, — говорит она и смотрит на него удивлённым взглядом.

За столом наступает молчание, и в нём слышно, как за спиной официант пробивает чек. Марк смотрит в свою тарелку, Кирилл — в стакан, и оба делают вид, что происходящее их не касается, хотя сидят рядом.

— Мы же это обсуждали, — говорит он и понимает, что это единственное, что может сейчас сказать.

— Мы это обсуждали в сентябре, — говорит Вероника. — И тогда речь шла про февраль, и ты сам называл числа.

— Ещё есть время, — говорит он.

— Времени осталось немного. — Она говорит это мягко, почти нежно. — И ресторан надо уже бронировать, иначе в феврале нам дадут только зал на первом этаже, где пахнет кухней и где не поместятся все, кого мама хочет позвать.

— Точно не в феврале. — говорит он.

Вероника медленно поворачивает голову. В ушах у неё длинные серьги, и они качаются, и она сама это замечает и придерживает одну рукой, и от этого жест получается почти кокетливым, хотя глаза у неё совсем не кокетливые, и Марк с Кириллом одновременно отводят взгляды, как отводят их при виде чужой ссоры.

— А когда? — спрашивает она.

— Потом, — Отвечает Хантер.

— Потом, — повторяет она и поправляет салфетку под своим стаканом, хотя салфетка лежит ровно. — Хорошо.

Марк приходит на помощь и говорит что-то про то, что в феврале все болеют, и что свадьба в марте лучше, и что у его двоюродной сестры была свадьба в марте и это было прекрасно. Кирилл поддакивает, и Вероника кивает в такт его словам, и разговор ещё немного живёт, как живёт огонь в почти догоревшей лампе, но всё уже понятно: и Марку, и Кириллу, и официанту, который приходит убрать лишнюю тарелку и уходит.

— Хантер, — говорит она, когда Марк замолкает и начинает вертеть в руках бокал. — Ты не возражаешь, если мы с тобой выйдем на минуту? Тут душно, и мне надо сказать тебе одну вещь.

Они вышли на балкон, он оказался узким, на два столика, и летом здесь, наверное, пьют вино и смотрят на город, но сейчас столики сложены и занесены снегом, и стулья стоят перевёрнутыми на них. Снег лежит на перилах ровным слоем, и от него в темноте видно всё, даже доски пола, и над городом висит низкое небо, и в нём не видно ни одной звезды. Зато внизу, в переулках, горят окна, и в снегопад они кажутся рассыпанными бусами, и между ними ходят редкие машины, и их фары прорезают белое и гаснут за углом. Вероника стоит в расстёгнутом пальто, и пар от её дыхания идёт ровно, она на секунду придвигается ближе, будто хочет согреться, и он чувствует запах её духов, знакомый до последней ноты, и от этого запаха у него в груди становится тесно и грустно, как бывает в конце хорошего вечера, когда всё уже было и дальше ничего не будет.

— Я тебя не тороплю, — говорит она и обхватывает себя руками, потому что под пальто стало холодно. — И с мамой я поговорю, скажу, что мы выбираем зал, и не можем выбрать. Но скажи мне честно: это всё из-за неё?

— Из-за кого? — спрашивает он, и голос у него делается пустым.

— Не притворяйся. — Она не повышает голос. — Я не глупая, Хантер. Я всё прекрасно понимаю.

Он молчит и кладёт руки на перила, и снег под ладонями продавливается, и от этого перила становятся мокрыми. Пальцы у него стынут, и он не убирает их, потому что холод помогает не отвечать сразу, он смотрит вниз, на переулок.

— Мне важно, чтобы ты был со мной. – Говорит она.

— Я с тобой, — говорит он, и это звучит так, будто он сам себе не верит.

— Ты рядом, но не со мной. — говорит она. — А это разные вещи. Рядом можно быть и с чужим человеком, а душой только с любимыми.

Она говорит это тише, чем всё остальное. И от этого голоса ему становится стыдно, потому что она говорит правду, и он понимает, что если сейчас промолчит, то предаст их обоих: и её, которая ждёт свадьбы, и ту, о которой он постоянно думает.

— Скажи мне одну вещь, — говорит Вероника через минуту и сморит на него. — Только честно, без этих твоих пауз.

— Скажу, — говорит он и готовится к худшему.

— Тебе не кажется, что ты гонишься за собственным воображением?

Хантер смотрит на неё. Он вышел на балкон без шапки, в одном пальто, и снег уже лежит у него на волосах. Пальто у него расстёгнуто, и под ним пиджак, и он жалеет, что не взял шарф, и в то же время рад, что холодно, потому что на холоде легче молчать.

— То есть? — спрашивает он.

Город внизу лежит весь в снегу, и крыши, и трубы, и антенны, и это похоже на декорацию к спектаклю, которую забыли убрать со сцены.

— Ты не видел её лица. — Вероника говорит ровно, без нажима, как говорят с человеком, которого хотят понять, а не победить. — Один вечер, несколько часов, девушка в маске. Ты не знаешь, как её зовут, чем она живёт, есть ли у неё кто-то. Может быть, она в тот вечер просто хорошо провела время и забыла тебя к утру, как забывают хороший сон.

— Может быть, — говорит он, и это «может быть» выходит у него честно.

— Тогда что ты ищешь? — спрашивает она.

Он молчит, и она продолжает, и в её голосе появляется то, чего он раньше не слышал: жалость. От холода у неё на губах иней, и он тает, когда она говорит.

— Я тебе скажу, что ты ищешь. Ты ищешь вечер, в котором тебе было легко. Не девушку, а вечер. И пока ты его ищешь, ты его придумываешь — с каждым днём всё красивее.

— Это не так. — говорит он, и в голосе у него появляется раздражение, которого он сам не ждал.

— Вот видишь. — Вероника чуть улыбается, и улыбка у неё выходит грустная, как у человека, который давно знает, чем заканчиваются сказки. — Ты уже споришь. Ещё вчера ты бы промолчал.

— Я помню её запах, — говорит он.

— Что? — спрашивает она и хмурится, будто ждала другого.

— Запах, — говорит он и поворачивается к ней всем корпусом. — И тепло. Не «мне было легко», не «она красиво танцевала». Я помню, как от неё пахло, когда я её держал, и как её рука лежала у меня на плече, и что она была холодная после улицы, а потом согрелась. И как она на меня смотрела, когда думала, что я не вижу: снизу вверх, внимательно, будто решала что-то про себя и ещё не решила.

Вероника молчит и смотрит на него так, будто видит впервые, и в этом взгляде уже нет ни жалости, ни снисхождения, только усталое внимание.

— И ещё я помню, что мне не хотелось, чтобы музыка закончилась. — говорит он. — Это не воображение. Воображение так не работает: воображение всегда кончается там, где тебе удобно.

Он говорит это, и ему на секунду кажется, что воздух вокруг теплеет, будто где-то рядом прошло её дыхание, и он даже оборачивается на дверь, но за дверью только зал и чужие люди, и официант, который несёт кому-то счёт.

— Ты уверен? — спрашивает Вероника, и в её голосе слышно, что она спрашивает не про запах.

— Уверен, — говорит он.

Она отворачивается и смотрит на город, и снег ложится на её плечи и на её волосы, и она не смахивает его. Она дышит медленно, и плечи у неё под пальто поднимаются и опускаются ровно, и от этого видно, чего ей стоит это ровное дыхание.

— Я не буду с тобой спорить, — говорит она наконец. — Это бесполезно. Я по глазам вижу, что бесполезно, и я не из тех, кто спорит со стеной.

— Вероника, — говорит он и делает шаг к ней.

— Что? — спрашивает она.

— Я не хочу тебя обманывать, — говорит он, и это единственное, что он может сказать честно.

В её лице что-то меняется: на секунду там появляется страх, настоящий, без всякой светскости, и она даже поднимает руку, будто хочет закрыть ему рот. Снег вокруг них на миг замирает в воздухе. И в этом замирании есть своё тепло. Снег на секунду перестаёт быть снегом: он висит, мелкий и ровный, и в свете из зала каждая снежинка видна отдельно. Вероника смотрит вниз, в переулок, и дышит тихо, ровно, и в этом ровном дыхании больше мороза, чем на всём балконе. Она стоит очень прямо, и руки у неё опущены, и она вдруг кажется ему не сильной и не светской, а маленькой, в большом пальто, на холоде, и ему хочется её обнять, но он не обнимает её, потому что это было бы ещё одним обманом, и от этого неумения у него в горле встаёт комок.

— Тогда не обманывай, — говорит она. — Просто не обманывай. Что бы ты ни решил, скажи мне сам, а не через какое–то когда я узнаю от чужих людей. Я не хочу узнавать о своей жизни от чужих людей.

— Хорошо, — говорит он, и слово выходит у него тихо.

— Обещаешь? — переспрашивает она и наконец смотрит ему в глаза.

— Обещаю, — говорит он, и в этот момент ему кажется, что он подписывает что-то важное, не читая.

И в ту же секунду где-то на улице, за углом, вспыхивает и гаснет гирлянда в витрине, будто кто-то в этом городе услышал его слово и поставил на нём точку. Хантер замечает её краем глаза и не придаёт этому значения, а потом всё же оборачивается и смотрит вниз, но витрина уже погасла, и в ней только вазы и тёмное стекло.

Она кивает, и от этого кивка у неё на ресницах что-то блестит, и он не понимает, снег это или нет, и не спрашивает.

— Давай вернёмся внутрь, — говорит Хантер наконец и кладёт ладонь ей на спину, между лопаток, и ладонь эта остаётся там секунды две. — Холодно очень.

Он говорит это и слышит, как пусто звучит его голос. Он думает о том, что вот они стоят вдвоём на морозе, и у них есть договор, есть дата, есть матери и есть семь лет, и всё это сейчас держится на одном его обещании.

— Хорошо, — говорит Вероника, но в её голосе нет ничего хорошего, и она первой идёт к двери, и её каблуки стучат по мокрому полу, и на пороге она на секунду останавливается, будто ждёт, что он скажет ещё что-нибудь, и не дожидается.

Утром Вероника приезжает в офис к десяти и привозит с собой два дела: отчёт союза, который надо завизировать, и своё собственное, и второе она держит не в папке, а в голове.

В лифте в зеркале она видит себя: светлое пальто, шапка, шарф, и лицо, на котором не написано ничего. Кнопка третьего этажа стёрта до белого металла, и лифт идёт медленно,

с подрагиванием, и на каждом этаже вздыхает и останавливается, и на втором этаже двери открываются в пустой коридор, и никто не входит, и двери закрываются снова, и Вероника смотрит на своё отражение и поправляет шарф.

Дверь в приёмную была приоткрыта, и это первое, что её задевает: двери в коридоре всегда должны быть закрыты, Хантер не любит, когда видно, кто сидит в кабинете и что там делают. Девушка сидит за столом и что-то печатает, и она поднимает голову на звук шагов, и Вероника видит её лицо. Молодая. Лет двадцати двух, не больше. Тёмные волосы собраны на затылке, и несколько прядей выбились и висят вдоль щёк. Свитер простой, серый, с длинными рукавами, и на рукаве, у самого края, зацепка. Она без украшений, и это Вероника замечает сразу, потому что все секретарши, которых она знала, носили что-нибудь на шее: цепочку, кулон, хоть что-то, что можно поправить во время разговора.

— Здравствуйте, — говорит девушка и встаёт, и встаёт быстро, как встают перед начальством. — Вы к Хантеру Робертовичу?

— К нему, — говорит Вероника и слышит, что голос у неё слишком ровный. — Он у себя?

— У себя, но у него сейчас совещание. — Девушка смотрит в монитор, потом в бумаги. — Он просил не заходить минут десять, но вы, наверное, можете зайти.

— Ничего, — говорит Вероника и садится в кресло у стены. — Подожду. У меня есть время.

Она садится и кладёт сумочку на колени, и это её обычная поза ожидания, но ждать она не собиралась. Она собиралась зайти. И она понимает это сама, и от этого понимания у неё на секунду холодеют пальцы, и она кладёт ладони под сумочку, чтобы согреть их, и смотрит на дверь в кабинет, как смотрят на дверь, за которой решается что-то не твоё. Дверь в кабинет приоткрыта, и в щели видно полосу света и кусок ковра. Вероника слышит его голос — ровный, деловой, — и потом слышит, как он говорит: «Хорошо, я понял», и как трубка ложится на место, и как он выдыхает, и этот выдох она узнала бы из тысячи.

Девушка подходит к двери Хантера, и заходит к нему в кабинет. Вероника встаёт следом, и идёт в кабинет за девушкой. Она стоит и слушает, как молодая девушка что–то объясняет ему, а он внимательно слушает и не перебивает её.

— Вероника, — говорит он, поднимая глаза, и в его голосе слышно удивление, которого он не успел спрятать. — Ты давно здесь?

— Несколько минут, — говорит она и проходит в кабинет, садится, и поправляет пальто. — Здравствуй.

— Здравствуй. — Он выпрямляется и отодвигает блокнот. — Спасибо, Эля, дальше я сам.

Девушка уходит, прикрыв за собой дверь, и Вероника слышит, как она садится за свой стол и начинает печатать, и печатает она быстро, ровно, без пауз, как человек, который знает текст наизусть.

— Что это? — спрашивает Вероника и кивает на отчёт у себя в руках, хотя собиралась спросить совсем другое и сама это понимает.

— Отчёт, — говорит он. — Я посмотрю после обеда, если успею.

— Хорошо, — говорит она и кладёт отчёт на край стола.

Она говорит с ним ещё пять минут, про дела союза, про встречу в четверг, про то, что его секретарь из министерства просил перезвонить. Он отвечает по делу, и всё это время его взгляд уходит в сторону двери, один раз, другой, и третий, и он даже не замечает, что делает это, а она замечает.

Она сидит очень прямо и держит сумочку обеими руками, и улыбка у неё на месте, и голос ровный, и только пальцы на замке сумочки побелели, и она это видит и разжимает их, и кладёт руку на колено. Она замечает и ещё одну вещь: у девушки в приёмной глаза того цвета,

который невозможно описать одним словом, и когда Хантер смотрел на неё, он смотрел на глаза, а не на бумаги, и на глаза он смотрел так, как смотрят на что-то, что не хочется терять из виду.

— Мне пора, — говорит Вероника и встаёт.

— Ты же только что пришла, — говорит он и смотрит на часы, и это выходит у него почти виновато.

— У меня встреча в одиннадцать, — говорит она и поправляет пальто, хотя пальто в порядке.

В приёмной она задерживается на секунду у стола, будто что-то ищет в сумочке, и сумочка у неё открыта. Она перебирает в ней ключи, платок и кошелёк, и всё это лежит не так, как надо.

— Извините, — говорит девушка, поднимая голову. — Вам может такси вызвать? На улице метёт, машину сейчас долго ждать.

— Не надо, — говорит Вероника и улыбается той улыбкой, которой заканчивают разговоры. — Как вас зовут?

— Эля, — Отвечает девушка.

— Эля, — повторяет Вероника, имя короткое и мягкое, и его хочется сказать ещё раз, чтобы проверить, как оно звучит из её рта. — Красивое имя. Меня зовут Вероника.

— Очень приятно, — говорит девушка, и в её голосе нет ни зависти, ни настороженности, ни той торопливой услужливости, с какой отвечают невесте начальника, и от этого Веронике становится совсем нехорошо.

— Хорошего дня, — говорит Вероника, и это звучит как пожелание и как приговор одновременно.

Она выходит на лестницу и идёт вниз пешком, потому что лифт пришлось бы ждать, а ждать она больше не может, и на втором этаже останавливается, положив руку на перила. Лестница старая, с широкими ступенями и чугунными завитками на ограждении, и в окно между этажами падает утренний свет.

Значит, помощница. Двадцать два года, серый свитер с зацепкой, имя из трёх букв, и глаза, которые невозможно описать одним словом.

Она стоит так с минуту, и откуда-то снизу тянет сквозняком. Потом она достаёт телефон не для звонка, а чтобы посмотреть на часы, и видит на экране своё отражение: светлое пальто, шапка, ровное лицо. Она смотрит на это лицо, а потом убирает телефон в карман.

В приёмной после её ухода ещё пахнет духами, и Эля ловит себя на том, что принюхивается к нему. Эля сидит за столом и держит руки над клавиатурой, она не печатает, а слушает, как в кабинете, Хантер перекладывает папки.

— Это кто был? — спрашивает Тамара из-за перегородки, и слышно, что она отложила пилочку, чтобы не мешать себе слушать.

— Невеста, — говорит Эля и удивляется, как спокойно это выходит.

— Что? — Тамара поднимает голову над перегородкой. — Вероника Андреевна?

— Да.

— И что она? — Тамара выходит, и в руках у неё чашка, она идёт не спеша, как идут люди, уверенные, что разговор никуда не денется.

— Ничего. Отчёт привозила, — говорит Эля.

Тамара садится на край стола, и это её обычная поза, когда ей нужно всё знать: одна нога на полу, вторая болтается, чашка в двух руках, глаза на собеседнике.

— Эля, — говорит она вполголоса, хотя в приёмной никого нет. — Она у тебя имя спросила.

— Спросила, и что? — говорит Эля.

— Имя, — повторяет Тамара и делает глоток. — Ты понимаешь, что это значит? Не «девочка», не «секретарь».

– То что она вежливая, — говорит Эля и пожимает плечами, и от этого плечи у неё делаются ещё уже.

– Дурочка, — говорит Тамара без злобы и ставит чашку. — Вежливые люди не спрашивают имя у тех, кого не собираются запоминать. Я тут двадцать лет сижу, меня министр три раза видел и ни разу не спросил как меня зовут, а ты у нас намного меньше работаешь.

— И что это значит? — спрашивает она.

— Ничего, — говорит Тамара. — Живи как жила, работай, не поднимай глаз. Только, — она понижает голос ещё на полтона, — не рассказывай ей ничего про себя. Ни где живёшь, ни с кем, ни откуда приехала. У таких, как она, всё записано.

— У каких «таких»? — спрашивает Эля.

Тамара смотрит на неё и не отвечает, и в этом молчании больше смысла, чем в словах: в нём двадцать лет приёмной, чужие письма, подслушанные разговоры и люди, которые здороваются, пока им нужно. Эля переводит глаза на календарь, который висит у неё над столом, и на нём ещё прошлый месяц. Она открывает ящик, где лежат новые календари, и достаёт один, и он пахнет типографской краской, и на январе нарисован лес, и в лесу стоит дом с освещёнными окнами, и из трубы идёт дым, и снег вокруг дома лежит нетронутый, и от всего этого рисунка веет таким покоем, какого в жизни не бывает. Она вешает его рядом со старым, придавив кнопкой угол, и обводит в нём первое февраля — не потому, что у неё есть какая-то дата, а потому, что надо же что-то обвести, и обводит медленно, кружком, и ручка оставляет на глянцевой бумаге чуть заметную канавку.

За окном идёт снег, и в приёмной от него светло и вместе с тем серо, и три кактуса на подоконнике стоят, повернувшись к стеклу. Снег идёт так густо, что дома напротив видно только наполовину, и та половина, что видна, стоит в белом, как нарисованная.

— Эля, — говорит Хантер из кабинета, и голос у него не такой, каким он говорит по телефону.

Она встаёт и заходит в кабинет, и он поднимает голову, на секунду в его лице есть что-то такое, чего там не было утром, какая-то настороженность, будто он прислушивается к чему-то за дверью.

— Вероника… — начинает он и останавливается, как будто подбирает слова, и не может подобрать. — Она вам ничего не говорила?

— Спросила как меня зовут, — говорит Эля.

Он смотрит на неё, будто ждёт продолжения, а продолжения нет.

— Эля, — говорит он наконец и смотрит ей прямо в лицо. — Если она вам что-нибудь скажет… что-нибудь странное. Спросит про меня, про мои дела. Не отвечайте ей ничего. Приходите сразу ко мне.

— Хорошо, — говорит она и не спрашивает, почему.

— И ещё. — Он берёт ручку и кладёт обратно, и она стукает о стол. — Вы, пожалуйста, не думайте, что здесь что-то не так. Вы хороший работник, и я не хочу, чтобы вам было неудобно.

Она стоит и не знает, что на это сказать.

— Спасибо, — говорит она.

— Идите, — говорит он и берётся за бумаги, и это значит, что разговор кончен.

Она выходит и садится за стол, и долго смотрит на кактус, который клонится, и думает о том, что «хороший работник» — это, наверное, единственное, что он может ей сказать при всех обстоятельствах, и что от этих двух слов ей почему-то хочется плакать, и она прикусывает губу.

Машина ждёт у подъезда, мотор работает, а из выхлопной трубы идёт пар, и пар этот поднимается столбом и растворяется в снеге, который идёт с самого утра. Илья работает води-

телем уже много лет, и за это время он выучил три вещи: не спрашивать, не переспрашивать и не разговаривать по телефону, когда на заднем сиденье молчат. Он открывает ей дверь, и она садится в машину, в которой тепло. Салон в машине был чистый, с кожаными сиденьями, и на торпеде лежит сложенная тряпка, а на зеркале висит бумажная ёлочка, которая давно выцвела и стала почти белой. Пахнет бензином, кожей и немного — мятными конфетами, которые он держит в бардачке, и этот запах Вероника помнит с детства, потому что Илья возил её ещё маленькую, когда она училась в школе.

— Куда? — спрашивает он, не поворачиваясь.

Вероника смотрит в окошко и не отвечает сразу. За стеклом идёт снег, и в свете фар он летит навстречу, и каждая снежинка на секунду вспыхивает и исчезает.

— Илья, — говорит она.

— Слушаю, — отвечает он и смотрит на дорогу.

— Девочка, которая работает у Хантера в приёмной. — Давно она там?

Он молчит столько, сколько нужно, чтобы перестроиться и пропустить встречную. У него широкие руки в шерстяных перчатках с обрезанными пальцами, и он держит руль не крепко, а свободно,

— Я не знаю, — говорит он и думает.

— Отвези меня домой, — произносит Вероника, и это слово ей не нравится.

— А как она? — спрашивает она. — Ничего про неё не знаете?

— Здоровается всегда, — говорит он.

— А ещё?

— Ничего. — Он думает так долго, что успевает проехать перекрёсток. — Из деревни, кажется. Или из маленького города, я не спрашивал. У неё выговор такой, мягкий, как будто с юга, и «р» она говорит не так, как здесь.

Вероника откидывается на сиденье. Дворники смахивают снег со стекла, и в этом ритме есть что-то успокаивающее.

— Илья, — говорит она. — Я хочу, чтобы вы узнали про неё подробнее.

Он смотрит на неё в зеркало заднего вида, и она выдерживает этот взгляд, и в зеркале видно, что он ждал этого с самого начала.

— Насколько подробнее? — спрашивает он.

— Всё, что можно. — Она говорит ровно, как говорят на совещании. — Где живёт, кто у неё есть, откуда приехала, чем занимается в свободное время. Ничего плохого, просто сведения. Я не собираюсь ничего делать, мне просто нужно знать.

— Вероника Андреевна, — говорит он.

— Что? — спрашивает она.

Он молчит, и в зеркале видно, как он поджимает губы, и как на перекрёстке пропускает кого-то, хотя мог бы проехать первым.

— Я много лет вас вожу, — говорит он наконец и сбавляет скорость. — Я вас ещё девочкой помню, в этой же машине, на заднем сиденье, с ранцем. Вы тогда в окно смотрели и спрашивали, почему у всех дома свет горит.

— К чему это вы? — спрашивает она, и голос у неё делается сухим.

— К тому, что вы сейчас сказали, и к тому, как вы это сказали. — Он снова смотрит на дорогу. — Я не то чтобы отказываюсь, я просто спрашиваю: вы уверены, что хотите знать всё про эту девушку? Знаете ведь, как бывает: узнаешь — и обратно уже не отмотаешь.

— Я уверена.

— Ну, вам виднее, — говорит он и больше не спорит.

Он больше ничего не говорит. Проезжает перекрёсток, объезжает кучу снега, которую кто-то сгрёб на проезжую часть, и останавливается перед её домом, глушит мотор, и в салоне сразу становится слышно, как за окном шумит метель.

— Приехали, — говорит он и не глушит мотор, потому что не знает, кончился разговор или нет.

Вероника берётся за ручку и не открывает дверь.

— Илья.

— Слушаю, — говорит он в зеркало.

— Я вам это не приказываю, — говорит она и смотрит в окошко. — Я прошу. Вы можете отказаться.

— Я понял, — говорит он и всё-таки вздыхает. — Сделаю.

Она выходит, и он придерживает ей дверь, она идёт к подъезду, и снег бьёт ей в лицо, и она слышит, как машина отъезжает, и звук этот удаляется и стихает.

В обед на кухне третьего этажа пахнет разогретой едой и кофе, и кто-то уже вымыл свою чашку и поставил её в сушилку, а Тамара говорит громче обычного, потому что уверена, что её слушают.

— Я её знаю, — говорит она, разворачивая свой контейнер. — Я её ещё до того знала, как она сюда ездить стала. Она в союзе работала, в отделе, который с поставщиками. Приходила к нам с папкой, вся в белом, и папка у неё была белая. Тогда ещё говорили, что она к нам не по делу ходит, и, судя по всему, говорили не зря.

— И по делу, и не по делу, — говорит Ольга и поправляет очки средним пальцем, и этот жест у неё означает, что она сейчас скажет то, что все и так знают.

— Вот именно, — говорит Тамара и отрезает кусочек. — Она его семь лет пасёт. Семь лет, представляешь? Я говорю: семь лет — это уже не любовь, это выслуга, за неё орден дают.

Стас стоит у окна с бутербродом и жуёт, и от него падают крошки на подоконник, и он их не смахивает, потому что здесь всё равно убирают.

— Ну и что, — говорит он с полным ртом. — Она красивая. И семья у неё не богатая. Мать в союзе, отец был в министерстве, это не последние люди.

— Это не просто так, — соглашается Тамара и поднимает палец. — Это очень даже не просто так, и не надо делать вид, что мы не понимаем.

Эля наливает себе воды и садится в угол, на стул с отломанной спинкой, на который обычно никто не садится, стакан держит обеими руками, чтобы руки не дрожали.

— А свадьба когда у них? — спрашивает Ольга, и спрашивает так, будто речь о чём-то приятном.

— В феврале вроде бы, — говорит Тамара.

— В феврале? — Ольга поднимает брови. — Это же через месяц. Платье – то есть?

— Через несколько недель, — говорит Тамара и вытирает рот салфеткой. — Я слышала, как она в приёмной говорила.

Эля делает глоток воды, и вода такая холодная, что от неё ломит зубы.

Эля смотрит в окно, где на соседней крыше лежит снег. И почему-то именно от этой ровной белизны ей становится ясно то, о чём она старалась не думать: у него есть срок. У всего этого есть срок, и он короткий, и он не её, и то, что происходит между ней и этим офисом, кончится не по её воле, а по календарю.

— Ты что-то смурная с самого утра, — говорит Стас, смотрит на Элю и продолжает жевать. — Или влюбилась?

— Замёрзла, — говорит Эля.

— А, — говорит Стас и откусывает бутерброд. — Все замёрзли. У нас вообще батареи еле тёплые.

Тамара смотрит на неё поверх контейнера и ничего не говорит, и в этом взгляде Эле чудится что-то вроде предупреждения. Потом Ольга рассказывает про своих детей, а Стас говорит про ремонт, и разговор уходит, как уходят все разговоры на кухне: в сторону, в мелочи,

в чужую жизнь. Эля сидит и ест, и еда у неё в руках, но вкуса нет: она думает о женщине в светлом пальто, которая разглядывала её, как вещь в чужом доме. В коридоре хлопает дверь, и мимо кухни проходит Хантер с папкой под мышкой, и в дверях он на секунду замедляет шаг, Эля поднимает голову, и их глаза встречаются, и он кивает и идёт дальше, и в коридоре слышно, как закрывается дверь его кабинета.

— Вот, — говорит Тамара тихо, когда он уходит. — Ты видела, как он на тебя посмотрел?

— Как? — спрашивает Эля и делает вид, что не видела ничего.

— Как на человека. — Тамара закрывает контейнер и складывает на него вилку. — А когда ты только пришла, он на тебя смотрел, как на стол: видит, что стоит, а что стоит — не видит.

Эля ничего не отвечает, но у неё внутри всё переворачивается от этих слов.

В квартире тепло и тихо, и в гостиной горит торшер, на столе стоит ваза с ветками, и у порога лежит коврик, на котором отпечатались мокрые следы, в прихожей висит зеркало в тяжёлой раме, и в нём отражается длинный коридор и дверь в спальню. На полке рядом с зеркалом стоят духи, крем для рук. Ветки она поставила три дня назад, и они уже дали зелёные листья, которые в темноте кажутся почти чёрными, и если долго смотреть, можно решить, что листья растут прямо на глазах, Вероника снимает пальто, вешает его в шкаф, ставит шапку на полку и ставит туфли ровно, носками к стене, как ставила их всегда, с тех пор как в этом доме появился первый коврик и первое правило. Потом она идёт на кухню, наливает воды и стоит у окна. Кухня у неё большая, светлая, с белыми шкафами и длинной столешницей, и на ней стоят банки с крупами, на плите стоит медный ковшик, который она купила в Париже и которым ни разу не пользовалась, он уже потускнел с одного бока, и от этого видно, что его даже не протирали. Стакан она держит обеими руками, и от холодной воды пальцы стынут по одному. За стеклом двор, и во дворе кто-то выгуливает собаку, и собака оставляет на снегу цепочку следов, и эта цепочка тянется от фонаря до фонаря и уходит за угол, как будто собаку уводят в сказку, и на снегу рядом с собачьими следами видны человеческие, редкие, широкие, — кто-то шёл и останавливался у каждого фонаря.

Телефон вибрирует на столе, и она смотрит на экран и видит: «Хантер». Она не берёт, и смотрит на его имя, пока оно не гаснет, ей хочется, чтобы он позвонил ещё раз, и она злится на себя за это желание. Через минуту приходит сообщение, короткое: «Всё хорошо?» Она смотрит на него, и поворачивает телефон экраном вниз, и идёт в спальню, и по дороге выключает свет, и в темноте ещё несколько секунд видит перед собой светлое пятно от торшера, которое медленно гаснет, как гаснет всё, если долго на это смотреть. В спальне прохладно, и простыня под ладонью холодная, она лежит с открытыми глазами и слушает, как за окном шумит метель и как внизу, во дворе, кто-то ещё ходит по снегу. И, уже засыпая, думает одну нехорошую мысль: если бы эта девушка была некрасивой, всё было бы гораздо проще, и она ненавидит себя за эту мысль.

Глава 5 Порядок в доме.

В субботу Изольда заходит в её комнату без стука. Эля сидит на кровати с книгой, в носках и свитере, и у неё на коленях лежит плед, и по радио играет что-то тихое, и в комнате пахнет тёплым деревом, и в утреннем свете на полу лежит длинный прямоугольник от окна, и в нём медленно поворачивается пылинка. Дверь открывается, и это даже не стук, а движение, будто руку приложили к створке и толкнули.

— Ты не занята? — спрашивает Изольда.

Это не вопрос, и оба это знают.

— Нет, — говорит Эля и закрывает книгу.

Изольда входит и останавливается посреди комнаты, оглядываясь так, как оглядываются в помещении, которое давно знают и в котором вдруг что-то не на месте. Она в домашнем

платье и шерстяных носках, в руке у неё полотенце, серое от стирки, с вытянутым краем, и волосы у неё собраны в пучок, несколько седых прядей выбились и стоят вокруг лица, и полотенце это она держит не для дела, а просто так.

— У тебя тут дышать нечем, — говорит она. — Проветривать надо.

— Я проветриваю. – Отвечает Эля.

— Плохо проветриваешь.

Она подходит к полке и начинает перебирать книги. Эля знает эту манеру. Изольда ничего не ищет. Изольда наводит порядок: корешки в одну сторону, банки с кремом по росту, колготки в пакет. Она делает это быстро, привычно, и при этом всё время что-то говорит, не обращаясь к Эле, а как бы для комнаты: что надо выбросить, что отдать, что не стоило покупать. Она берёт одну книгу, смотрит на обложку, ставит обратно и выравнивает все остальные. Открывает крышку коробки, где лежат старые письма и зарядка от телефона, и закрывает снова, и при этом поджимает губы.

— У тебя тут двадцать тюбиков, — говорит она. — Куда столько?

— Они разные.

— Они одинаковые.

Она вытирает полотенцем полку. Полка под книгами обклеена плёнкой под дерево, и плёнка в одном месте отклеилась и завернулась, и под ней видно голый серый ДВП, и это место Эля всё собиралась подклеить и не подклеила.

— Вот. Вот чем ты дышишь.

— Хорошо, — говорит Эля. — Я вытру.

— Когда? У тебя всегда всё «потом».

Изольда отходит от полки и заглядывает за шкаф. Шкаф у Эли старый, тяжёлый, с одной дверцей, которая открывается с трудом, и с зеркалом, в зеркале этом видно комнату вкривь.

— Это откуда? — спрашивает Изольда, и показывает ей блёстки, которые оказались на её руке.

Голос у неё становится ровным. Ровный голос у неё бывает хуже крика.

— Я не знаю. Я убиралась в комнате.— говорит Эля, и прекрасно понимает откуда эти блёстки.

— Где именно ты убиралась?

— В шкафу.

— А это тогда что?

— Не знаю.

Изольда подносит руку ближе к глазам, и в комнате становится тише, хотя никто не замолкал: радио всё ещё играет, но кажется, будто всё это отступило на шаг и ждёт, что будет дальше.

— Это... — говорит она, и замолкает на пару секунд. — Это от платья. Ты знаешь, от какого платья?

— Не знаю.

— Ты знаешь. — Изольда вытирает руку о полотенце – Она снова смотрит на Элю. — Это от бального платья. Такие блёстки в темноте светятся.

Эля молчит.

— У нас в доме нет бального платья, — говорит Изольда тихо. — А блёстки есть. Значит, что?

— Что?

— Значит, у тебя есть платье, — говорит Изольда. — И ты его где-то прячешь.

— У меня нет платья.

— В этой комнате я знаю каждую вещь, — говорит Изольда и обводит комнату рукой. — Каждую! Я тебе покупала полотенца, я тебе покупала подушки, я знаю, сколько у тебя штанов и сколько носков. И где–то здесь, спрятано платье не несколько тысяч.

— Откуда вы знаете, сколько оно стоит?

Изольда замолкает, выпрямляется, и комнате снова становится обыкновенно. — Пойдём, — говорит она.

— Куда?

— Поговорим.

Она выходит и не закрывает за собой дверь.

Эля сидит ещё секунду. У неё в груди сильно стучит, ладони стали мокрыми, и она вытирает их о плед, и плед от этого становится холодным. Потом она встаёт и идёт за Изольдой. По дороге она видит свою комнату так, как видят её чужими глазами: кровать у стены, шкаф, стол, под кроватью сумка, а на полке две книги лежат на боку, и те самые двадцать тюбиков стоят неровно. И всё это теперь как будто не её, а чьё-то. Эля заходит на кухню, где совсем жарко. Плита включена, и на ней стоит кастрюля, в кастрюле что-то булькает, хотя обед давно прошёл, и от этого пара окно запотело снизу доверху.

— Садись, — говорит она.

Эля садится напротив. Между ними клеёнка в цветочек, и на ней стоит сахарница с отбитой ручкой.

— Скажи мне, — говорит Изольда, — где ты была тридцать первого числа.

— На площади.

— На какой?

— На главной.

— С кем?

— Одна.

Изольда медленно кивает.

— Одна, — говорит она. — В новогоднюю ночь. В двенадцать. Одна.

— Да.

— И что ты там делала?

— Смотрела салют.

— До скольки?

— До половины первого. Потом приехала домой.

— А потом? — говорит Изольда.

— Потом приехала.

— Во сколько?

— Не помню. Часа в два.

— Значит, ты была не на площади, — говорит Изольда ровно. — Значит, ты была где-то ещё. И не одна.

Эля поднимает глаза и смотрит на мачеху.

Вот здесь надо соврать. Одно слово, любое, и всё закроется: у подруги, на площади до утра, в очереди за шаурмой, где угодно. У неё нет подруги, но Изольда не знает, есть ли у неё подруга.

— Я не скажу.

Изольда медленно откидывается на спинку стула.

— То есть как.

— Так. Я не скажу, где я была.

— Ты не скажешь.

— Нет.

— Живёшь в моём доме, — говорит Изольда, и голос у неё становится тише, и в кухне тоже становится тише, будто пар в воздухе густеет, — и ты мне не скажешь, где ты была ночью.

— Я уже взрослая.

— Но ты живёшь у меня.

— Я знаю.

Изольда смотрит на неё долго и внимательно, и руки у неё лежат на столе.

В дверях кто-то переступает с ноги на ногу.

Отец стоит в проёме, в куртке, и он, наверное, только что вошёл, и в руке у него пакет с молоком, и на воротнике у него ещё лежит снег, и шапку он снял, волосы у него примяты. Изольда кричит, когда она раздражена. Изольда допрашивает, когда не понимает. А отец отводит глаза, когда боится, и от этого у Эли внутри всё обрывается, потому что она вдруг видит: что он не станет между ними. Он не встанет на её сторону. Он не встанет ни на чью, потому что ему проще, чтобы было тихо.

— Пётр, — говорит Изольда. — Скажи своей дочери.

— Что сказать? — говорит он.

— Что в этом доме есть правила.

— Ну да, — говорит он. — Есть.

И больше ничего. Он ставит молоко на стол и уходит, и слышно, как он снимает куртку в прихожей, и как вешает её, и как долго возится с молнией. Молния не идёт, и он дёргает её, и в прихожей что-то падает, и он говорит негромко: «Да что ж такое», и от этого звука у Эли на глазах выступают слёзы, которых она не ждала. Изольда смотрит ему вслед, и на её лице появляется что-то новое: не злость, а усталость.

— Ладно, — говорит она. — Поговорим потом.

— Ладно.

Она встаёт и выходит, и в коридоре сталкивается с отцом, который всё ещё стоит у вешалки.

Он смотрит на неё и открывает рот, но по его лицу видно, что он хочет сказать что-то хорошее.

Эля проходит мимо.

— Дочь, — говорит он ей в спину, и в этом слове столько вины, что она почти оборачивается. Почти, но она не оборачивается, потому что если обернётся и увидит его лицо, то заплачет, а плакать в этом коридоре нельзя.

Вечером её зовут в гостиную, и дверь закрывают. Эля садится на край дивана. Диван старый, коричневый, с подушками, которые сбились в углы. Отец остаётся стоять у книжного шкафа, и в шкафу за стеклом стоят книги, которых никто не читал, и чайный сервиз, и фарфоровый слон. Телевизор выключен.

— Я не хочу скандала, — говорит Изольда. — Я хочу понять, как мы будем жить дальше.

— Хорошо.

— Ты меня слушай внимательно. — Она складывает руки на коленях. — Ты живёшь у меня. Не у отца, а у меня: квартира моя, и я её получила не от него. Ты ешь за моим столом, ты моешься в моей ванной, ты спишь на кровати, которую я тебе купила.

— Я знаю.

— Тогда давай договоримся. — Изольда говорит ровно и спокойно. — Три вещи. Первое: работа. Ты работаешь, отдаёшь на хозяйство, остальное твоё, я в это не лезу. Второе: послушание. Я не требую, чтобы ты меня любила, упаси бог. Я требую, чтобы ты делала так, как я говорю, пока ты живёшь здесь.

— А третье?

— Третье. — Изольда выпрямляется. — Никаких отлучек. Никаких ночей неизвестно где, никаких «своих праздников». Пришла с работы — дома.

Эля молчит.

— Это всё? — спрашивает она.

— Это всё.

— А если нет?

Изольда смотрит на неё, и на лице у неё ничего не меняется.

— Если нет, — говорит она, — тогда ты ищешь себе другое жильё.

В комнате становится тихо. Отец у шкафа переступает с ноги на ногу, и подошва скрипит. Он стоит, заложив руки за спину, как стоят в кабинете начальника, и рубашка у него заправлена только с одной стороны, и от этого он выглядит ещё более растерянным.

— Изольда, — говорит он.

— Что?

— Ну, это… — Он смотрит не на жену, а на стекло шкафа. — Зима. Куда ей идти зимой.

— Я её и не гоню. — Изольда даже не поворачивается к нему. — Я ставлю условие. Это разные вещи.

— Но…

— Пётр, — говорит она, и в её голосе появляется металл, — ты сейчас начнёшь. Я тебя знаю.

И в комнате опять становится холодно, и на этот раз Эля видит, как на оконном стекле медленно расползается белое пятно, хотя окно закрыто. Он замолкает и трогает пальцем стекло шкафа, будто проверяет, чистое ли оно, и на стекле остаётся отпечаток, и он его не вытирает.

Эля смотрит на него, но он не смотрит на неё, и она понимает, что помощи не будет, и чего уже давно не было, и что все эти годы он не был её защитой, а был просто человеком, который вечером приносил хлеб.

— Я согласна, — говорит она.

Изольда чуть наклоняет голову.

— Что?

— Я согласна. Работа, послушание, никаких отлучек.

— Хорошо.

– Тогда всё, — говорит Изольда и встаёт. — Ужин в восемь. Сегодня твоя очередь мыть посуду.

Она выходит, и дверь гостиной остаётся открытой, и из коридора слышно, как она включает телевизор в спальне.

Отец всё ещё стоит у шкафа.

— Дочь, — говорит он.

— Не надо, — говорит Эля.

На кухне она набирает воду в раковину и опускает в неё руки, вода тёплая, и от неё идёт пар, и в этом пару она стоит и дышит, а пар оседает у неё на лице, и на секунду ей кажется, что она стоит в облаке, а всё, что было в гостиной, осталось по ту сторону облака и её уже не касается. А потом пар рассеивается, и посуда в раковине перестаёт быть просто посудой и становится делом, которое надо перемыть. Отец приходит, когда она домывает последнюю тарелку. Он входит боком, как входят в комнату, где может быть занято, и останавливается у стола.

— Дай, — говорит он. — Я вытру.

— Я сама.

— Дай.

Она отдаёт ему полотенце, и он берёт тарелку и вытирает её медленно, круг за кругом, потом ставит в шкаф, и от этой медленности у Эли начинает ныть внутри.

— Она не злая, — говорит он вдруг.

— Я знаю.

— Она просто… — Он ищет слово. — Она хочет, чтобы всё было по-людски.

— По-людски, — повторяет Эля.

— Ну да. Чтобы был порядок.

Она выключает воду и вытирает руки о фартук.

— Пап.

— Что?

— Ты когда-нибудь заступался за меня? — спрашивает она. — Хоть раз. Чтобы вслух.

Он стоит с тарелкой в руках.

— Я заступаюсь, — говорит он.

— Когда?

— Я говорю ей.

— Что ты говоришь?

— Что ты не врёшь. — Он ставит тарелку. — Что ты хорошая девочка.

— Это не заступничество, пап. — Эля говорит тихо, потому что в соседней комнате работает телевизор и там всё слышно. — Это характеристика.

Он смотрит на неё и молчит, и в его лице есть что-то такое, отчего она жалеет о своих словах, но и взять их назад не может.

— Твоя мать, — говорит он, — она бы…

Он не заканчивает.

— Что она бы?

— Ничего. — Он берёт полотенце и вешает его на крючок так, чтобы край был ровный.

Он уходит.

Поздний вечер. В доме всё стихло, и радио в её комнате выключено, и в гостиной через коридор работает телевизор, и его свет мигает на потолке голубым.

Эля стоит перед шкафом.

Дверца открыта, и в шкафу пахнет старым деревом. Она вынимает стопку постельного белья, кладёт её на кровать, потом вынимает ещё одну — наволочки, простыни, всё это стиранное и сложенное ровными квадратами, и руки у неё дрожат.

И в этот момент за стеной начинается разговор.

И слышно не слова, а голоса: низкий, усталый — отца, и другой, ровный, слишком ровный — Изольды.

Эля садится на кровать и не двигается. Руки она кладёт на колени, ладонями вниз, и сидит очень прямо, и в комнате темно, только лампа на столе и голубой отсвет на потолке, и в этом свете её собственная комната кажется ей чужой.

Сначала не разобрать. Потом начинает разбирать.

— …уже взрослая! — говорит отец, и это необычно, потому что он почти никогда не повышает голос.

— Взрослая, — отвечает Изольда. — Взрослая, которая врёт.

— Она не врёт.

— Она не говорит. Это хуже.

Пауза.

— Ты знаешь, что она мне сказала? — говорит Изольда. — «Я не скажу». В моём доме. Ты понимаешь, что это значит?

— Значит, что ты её прижала.

— Значит, что она меня не уважает.

— А ты её уважаешь? — говорит отец, и в комнате Эли становится очень тихо.

За стеной тоже тихо.

— Что ты сказал? — спрашивает Изольда.

— Ничего.

— Нет, ты сказал.

— Я сказал, что…

— Ты сказал, что я её не уважаю. — Голос у неё делается выше. — Пётр. Я её кормлю. Я её одеваю. Я ей купила кровать, у неё кровать лучше, чем у меня в молодости была. И после этого я её не уважаю?

— Я не про это.

— А про что?

Он что-то говорит, но слишком тихо, и Эля не слышит.

— Я тебе скажу, про что, — говорит Изольда. — Я тебе скажу. Ты всю жизнь боишься с ней поговорить, потому что она на тебя смотрит, как твоя первая жена. Вот и всё. Вот и весь разговор.

— Не смей.

— Что «не смей»? Правда глаза колет?

— Не смей про неё говорить.

— А что? — Изольда почти кричит. — Что, я не права? Ты тринадцать лет живёшь и делаешь вид, что ничего не было. А она сидит и молчит, и ты сидишь и молчишь, и я между вами, как между двумя стенами.

Тишина.

Потом слышно, как отец говорит одно слово, короткое и глухое, и по звуку понятно, что он встал и вышел.

Дверь хлопает.

И всё стихает, в доме становится так тихо, что слышно.

Эля сидит на кровати, и смотрит в стену, за которой только что всё это было.

Она думает о том, что в этом доме её никогда не защищали, но и она никого не защищала. Что мать умерла, когда ей было девять, и с тех пор отец перестал быть человеком, который что–то решает, а стал человеком, который приносит хлеб. Что Изольда, наверное, не злая, а просто усталая и одинокая, и что от этого не легче. Она ложится. Простыня холодная и пахнет стиркой, и подушка ещё держит форму головы, как будто её только что подняли; на стуле висит свитер, и в темноте он похож на кого-то, кто сидит и ждёт. Дом ей больше не дом, думает она. Дом — это место, куда хочется вернуться, а сюда она возвращается, потому что больше некуда. Потом она вспоминает, что у неё есть работа. У неё есть стол, компьютер, папки и человек в кабинете, который утром скажет: «Доброе утро, Эля» — и не будет спрашивать, где она была ночью. Она закрывает глаза и думает о том, что завтра будет утро, лифт, приёмная, и папки, и в десять он войдёт и скажет ей что-нибудь про погоду или про договор, и она ответит, и это будет длиться ровно две минуты, и этих двух минут ей хватит на весь день. За стеной тихо. Потом слышно, как в соседней комнате включают воду, и как она льётся, и как выключают. И только тогда Эля выдыхает и поворачивается на бок.

Она просыпается в темноте от того, что в кухне кто-то открывает кран. Сначала ей кажется, что это ей снится: вода идёт тонкой струйкой, потом перестаёт, потом снова. Эля лежит и смотрит на часы на телефоне: три часа двадцать минут. Она встаёт, накидывает свитер поверх пижамы и выходит в коридор. В кухне горит свет над плитой, маленький, и в этом свете Изольда стоит у раковины, в халате, и пьёт воду из чашки, и волосы у неё распущены, от этого она совсем не похожа на себя.

Она слышит шаги и оборачивается.

— Извини, — говорит вдруг Изольда.

Эля замирает.

— Что?

— Я говорю: извини. — Она говорит это ровно, без всякой теплоты, как объявляют о решении. — Я сегодня сорвалась. Не надо было при нём.

— При папе.

— При нём. — Изольда ставит чашку в раковину. — Он потом всю ночь ворочается.

Она стоит, и в её лице нет ни злости, ни вины.

— Ты думаешь, я тебя не люблю, — говорит она.

— Я ничего не думаю.

— Думаешь. — Она смотрит в окно. — Я тебя не люблю. Это правда. Я тебе не мать, и я не притворяюсь.

Эля молчит.

— Но я тебя не гоню, — говорит Изольда. — Запомни это. Я тебя не гоню. Я тебя держу, потому что если я тебя выпущу, ты пропадёшь, а мне потом с этим жить.

— Я не пропаду.

— Все пропадают. — Она поворачивается. — Я в твоём возрасте тоже думала, что не пропаду.

И уходит.

Эля возвращается к себе и садится на кровать.

Она сидит так долго, пока не начинает замерзать, и потом ложится, и натягивает одеяло до подбородка, и закрывает глаза, и всё равно видит эту кухню и Изольду у раковины с распущенными волосами.

Утром приходит тётя Зина. Она живёт этажом ниже, маленькая, кругленькая, в платке поверх седых волос, и у неё всегда с собой сумка на длинном ремне, в которой лежат очки, платок и конфеты в бумажках, и заходит всегда без звонка, и всегда с чем-нибудь в руках: то с банкой варенья, то с пакетом яблок, то просто с новостью. Сегодня у неё в руках ничего нет, и это значит, что новость будет.

— Здравствуйте, — говорит она с порога. — А я к вам на минутку. — И в её голосе столько обыденности, что кажется, будто за дверью не лестница с мусоропроводом, а большая дорога, по которой она шла к ним долго и по делу. Изольда уже была на кухне, в халате, и на плите стоит кастрюля с вчерашней картошкой, и на столе лежит развёрнутая газета, и в ней обведены кружком какие-то объявления, и рядом стоит блюдце с огрызком яблока. Она ставит чайник, и на лице у неё то выражение, с которым она встречает гостей: приветливое и заранее усталое.

— Проходите, Зинаида.

Эля сидит за столом с чашкой чая и не успевает уйти. Она видела, как тётя Зина прошла по коридору, и знает, что сейчас будет: сначала про погоду, потом про здоровье, потом про соседей, потом про всех остальных.

— Мороз- то какой, — говорит тётя Зина, садясь. — У меня в комнате окно за ночь замёрзло, я утром еле отскребла.

— У нас нормально. — Изольда кивает на окно. — У нас тоже подмерзает, но я на ночь газету подкладываю.

— У вас стены толстые. — Тётя Зина оглядывается. — А где Пётр?

— Спит ещё.

— Счастливый человек.

Изольда ставит на стол две чашки и садится напротив.

Эля хочет встать и уйти к себе. Но уйти сейчас — это как уйти посреди приговора, и она остаётся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.